

© 1999 г. Т.Е. ЯНКО

О ПОНЯТИЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

(на материале русского языка)*

0. ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена коммуникативным стратегиям говорящего и коммуникативным структурам, в которых воплощены коммуникативные стратегии. Предлагается точка зрения на коммуникативную структуру как на выразитель значения речевого акта. Это позволяет единообразно описывать коммуникативные структуры разных речевых актов: сообщения, вопроса, императива, восклицания и обращения. Выделяются три типа коммуникативных значений: коммуникативные значения, конституирующие речевые акты, такие, как значение ремы, коммуникативные значения, не конституирующие речевые акты и противопоставленные конституирующим, такие, как значение темы, и коммуникативные значения, модифицирующие компоненты речевых актов, такие, как контраст. Рассматривается взаимная сочетаемость конституирующих и модифицирующих значений в пределах единого фрагмента высказывания, например, 'рема плюс контраст', 'тема плюс контраст', 'императив плюс контраст'. Так встает задача "компонентного" анализа коммуникативных структур. В нее входит выделение инвентаря коммуникативных значений, описание их взаимной сочетаемости и средств выражения коммуникативных значений и их комбинаций. В результате строится исчисление коммуникативных структур конкретного языка, в данном случае, русского. Цель такого подхода состоит в достижении п о л н о т ы описания коммуникативных структур, так как рассматриваются все возможные комбинации коммуникативных значений. Кроме того, при внесении в инвентарь элементарных коммуникативных значений новых значений, не учтенных ранее, становится возможным повторить процедуру "перемножения" новых элементов и уже имеющихся.

Будучи выразителем значения речевого акта и других коммуникативных значений, коммуникативная структура может одновременно рассматриваться как (1) воплощение коммуникативной стратегии говорящего и (2) результат воздействия контекста, который навязывает говорящему тот или иной коммуникативный выбор. Дается определение коммуникативной стратегии говорящего, который, заговорив, вынужден каждый раз выбирать среди типов речевых актов, стилей и жанров, дозировать информацию по коммуникативно охарактеризованным компонентам предложения и предложениям, решать, каков будет порядок следования коммуникативно охарактеризованных компонентов.

Понятие коммуникативной стратегии иллюстрируется коллекцией особых коммуникативных стратегий с "богатой" коммуникативной семантикой. Коммуникативные стратегии с особым вкладом коммуникативной структуры в семантическую наиболее ярко проявляют себя, если сравнить их с нейтральными коммуникативными стратегиями,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (проект 96-04-06402) и фонда INTAS (грант INTAS-96-0085).

т.е. такими, у которых вклад коммуникативной структуры в семантическую минимальный. Под особыми коммуникативными структурами понимаются такие, которые не могут быть объяснены только соображениями контекста и присутствием модифицирующих значений. Их анализ требует реконструировать изысканные коммуникативные намерения говорящего, который средствами коммуникативной структуры выражает нечто большее, чем простая фиксация в словах некоторого положения дел для сведения слушающего. Так, одна из рассмотренных коммуникативных стратегий вводит в рассмотрение некий важный объект, и роль коммуникативной структуры состоит в подчеркивании этой важности и особом сгущении смысла, которое достигается за счет присутствия в предложении сразу двух рем – начальной и конечной: *Проржавевшую авиационную бомбу подняли со дна моря тралом рыбаки Тихоокеанского флота*. Эту стратегию и соответствующую ей коммуникативную структуру мы называем суперпозицией ремы. А другая стратегия, напротив, состоит в том, чтобы "принизить" роль героя ситуации, отозвав его с начальной заглавной позиции, и сосредоточить все внимание на событии в целом; это придает высказыванию характер живописания картины, которая разворачивается перед глазами наблюдателя: *Приходит раз Герасим Николаевич к Августе Авдеевне в кабинет* (М. Булгаков). Эту стратегию мы называли рецессией темы.

Работа состоит из двух основных разделов. Раздел 1 посвящен выделению инвентаря коммуникативных значений, исследованию их сочетаемости и средств выражения. Рассматриваются типы речевых актов, которые в русском языке имеют регулярное выражение средствами коммуникативных структур – раздел 1.1. Раздел 1.2 посвящен понятию ремы как конституирующего компонента речевого акта сообщения. В разделе 1.3 обсуждаются некоторые точки зрения на природу ремы, или фокуса. В разделах 1.4–1.5 вводятся понятия коммуникативной структуры, коммуникативной составляющей и коммуникативной стратегии. Разделы 1.6–1.12 посвящены коммуникативным компонентам вопроса, повелительного предложения, обращения, восклицания и сопутствующим проблемам. В разделе 1.13 рассматриваются модифицирующие коммуникативные значения: контраст, *да-нет*-значение (верификативное), эмфаза и их комбинации с конституентами речевых актов. Предлагается пересмотр традиционных взглядов на так называемые *focus particles* – слова *только* и *даже*, которые трактуются в работе как слова контраста, так как их толкование имеет существенную область пересечения с определением понятия коммуникативного контраста. Раздел 1.14 посвящен средствам выражения коммуникативных значений и их комбинаций в русском языке. В разделе 1.15 обсуждается возможность использования полученных правил выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей для определения границ между темой и ремой. Особые коммуникативные стратегии собраны во второй части статьи (раздел 2). Там коротко рассмотрено четыре специальных коммуникативных стратегии: тематизация бытующего предмета (раздел 2.1), суперпозиция ремы (раздел 2.2), рецессия темы (раздел 2.3) и неингерентная тема (раздел 2.4). В заключении подводятся итоги исследования.

1. ИСЧИСЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРУКТУР

Выделяется три типа коммуникативных значений: (1) коммуникативные значения, конституирующие речевые акты (значение ремы, конституирующей речевой акт сообщения, значение интеррогативности, конституирующей вопрос и делающей вопрос вопросом, значение императивности и др.); (2) не-конституирующие коммуникативные значения, которые противопоставлены конституирующим и которых в предложении может не быть; они служат основой для того, чтобы заговорить (значение темы, невопросительного компонента вопроса и др.); (3) коммуникативные значения, которые модифицируют компоненты речевых актов и которых тоже может не быть (контраст, верификация и др.). Коммуникативные значения первых двух типов совместимы со значениями третьего типа, т.е. существуют контрастная рема, контрастная тема,

контрастный вопросительный компонент, контрастный не-вопросительный компонент вопроса и контрастный императив, верификативная тема (*да-нет*-тема) и верификативная рема (*да-нет*-рема).

1.1. Основные типы речевых актов. Известно пять основных типов предложений, которые составляют набор обязательных для русского языка типов речевых актов – обязательных в том смысле, что большинство русских предложений относится к одному из этих типов и притом только к одному. Это повествовательное предложение, вопрос, императив, восклицание и обращение.

Возможны и другие иллокутивные функции, которые не выражаются грамматически, – клятвы, жалобы, советы и угрозы. Они паразитируют на регулярных речевых актах и становятся клятвами и угрозами благодаря лексике и соответствующей семантической интонации (интонации угрозы, жалобы или упрека).

Кроме выделенных пяти основных типов речевых актов, существует большое количество уникальных – фразеологизованных и фразеологических – типов речевых актов, таких, как *Ha!*; *Была не была!*; *Три-четыре!*; *Раз-два, взяли!*; *До свиданья*; *Гулять так гулять*.

1.2. Тема и рема. Рема – это компонент коммуникативной структуры, который конституирует речевой акт сообщения. Соответственно, тема – его не-конституирующий компонент, противопоставленный реме. Рема – это абсолютное достояние предложения, потому что она формирует предложение как произведение речи с определенным коммуникативным заданием, а роль темы – относительна: тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью.

Рема – это двусторонняя единица, у которой план содержания – фрагмент семантического представления ситуации, предназначенный для функционирования в качестве сообщаемого; план выражения ремы – цепочка словоформ с заданным на ней коммуникативно релевантным ударением определенного типа. В русском литературном языке – это ИК-1 по Е.А. Брызгуновой [РГ 1982: 97–122], каденция по С.О. Карцевскому, *period intonation* по У. Чейфу [Chafe 1988], "акцент А" по Д. Болинджеру [Bolinger 1958]. ИК-1 обозначается стрелкой вниз после словоформы-акцентоносителя – ∨; о номенклатуре и семантической интерпретации акцентов см. также [Pierrehumbert 1980; Steedman 1991]. Если в предложении есть фонетическое слово, отмеченное особой понижающейся интонацией ИК-1, которая не сопровождается последующими подъемами ИК-3 (см. ниже), и отсутствуют лексические (вопросительные слова) и морфологические (повелительное наклонение) маркеры других речевых актов, значит, перед нами речевой акт сообщения.

Тема имеет вариативное выражение. Прототипическим, но не единственным, средством выражения темы служит интонационный подъем – ИК-3 по Е.А. Брызгуновой [РГ 1982: 114–115], *comma intonation* по У. Чейфу [Chafe 1988], "акцент В" по Д. Болинджеру [Bolinger 1958], интонация незавершенности (*incompleteness*) по В.Р. Леману [Lehman 1974]. Этот акцент обозначается стрелкой вверх ↑ после словоформы-акцентоносителя. Существует другой тип подъема – это ИК-6 по Е.А. Брызгуновой [РГ 1982: 118]. Он обозначается знаком ∟. В беглой речи тема может нести акцент ИК-6, а также не иметь какого-либо заметного движения тона [РГ 1982: 118]. Акцент ИК-3 служит маркером темы, только если после него следует маркер ремы ИК-1: *Мой лучший друг ∨ – это Вася ∨*. Одиночный акцент ИК-3 маркирует *да-нет*-вопрос: *Это Вася ∟?* [РГ 1982: 111]. Комбинация акцентов в последовательности ИК-1–ИК-3 маркирует *да-нет*-вопрос с вынесенным в начало не-вопросительным компонентом: *Твой лучший друг ∨ – это Вася ∟?*

1.3. Некоторые точки зрения на природу того, что обычно называют ремой или фокусом. Наше определение ремы, как кажется, ближе всего к определению ремы, которое дает Матезиус: "Основные элементы актуального членения предложения –

это исходная точка [или] основа высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что г о в о р я щ и й с о о б щ а е т об исходной точке высказывания" [Mathesius 1947], русский перевод [Матезиус 1967].

Взгляд на рему как на сообщаемое (stated) разделяет М.А.К. Хэллiday в работе [Halliday 1967], ср. также [Мельчук 1995: 149]. Близкое нам определение ремы дает С.В. Кодзасов: "мы понимаем под ремой тот компонент смысла, над которым производится операция при осуществлении речевого акта" [Кодзасов 1996: 191]. Определение фокуса как утверждаемой части (asserted part) мы находим у Р. Ван Валина [Van Valin 1993: 23]; с ним, однако спорит М.С. Драйер, который считает, что понятие утверждения определено только для пропозиций [Dryer 1996: 493]; между тем не всякий фокус (рема) имеют форму пропозиции. В [König 1991: 32] приводится подборка определений фокуса, вот некоторые из них:

- фокус выражает 'новую информацию' [Halliday 1966; Selkirk 1984];
- фокус выражает кульминацию и информативный центр [Bolinger 1985];
- фокус выражает информацию, которая не имеет семантического антецедента и к которой не привлекалось внимания слушающего [Rochemont 1986];
- фокус устанавливает отношение между значением выражения, которое находится в фокусе, и некоторым множеством альтернатив [Jacobs 1983; 1988; Rooth 1985].

Многие определения, которые даются реме, или фокусу, в позднейшей традиции, т.е. после Матезиуса, берут за точку отсчета новизну информации или актуализацию знания, не активированного ранее в сознании слушающего. И действительно рема и новое обычно экстенсionalmente совпадают. Поэтому определения, ставящие во главу угла новизну информации, соответствующей реме, имеют экстенсionalный характер, ибо собственная роль ремы – формировать сообщение – остается за кадром. Новое – это лишь "наполнитель" для ремы, и то не всегда, потому что "старое", или активированное, тоже бывает ремой: *Мне предложили пальто и шубу. Я выбрала шубу; Девочки чаще всего дружат с девочками; ;Помпей не имеет равных в любви к самому себе; Только Иванов умел находить общий язык со студентами. Поэтому заняться вторым курсом опять пришлось Иванову*; о понятии активации см. [Lambrecht 1994; Dryer 1996].

Даже такой испытанный способ выделения ремы, как метод вопросов, предложенный Э. Хэтчер и разработанный пражскими лингвистами, который применяется для определения границ темы и ремы, не всегда дает желаемый результат. Рема при таком походе – это то, что служит кратким ответом на некоторый вопрос, быть может, гипотетический, а тема – то, что заимствуется из вопроса при полном ответе [Hatcher 1956; Hajičová, Sgall, Benešová 1973; Ковтунова 1976: 39; Daneš 1970; 1986; Сгалл, Хаичова 1980; Николаева 1982: 13–15; Падучева 1984; Hajičová 1986; 1994: 256; Dryer 1996: 485]. Между тем, в примере – *Кто у них президент, а кто вице-президент? – Клинтон – президент, а Гор – вице-президент* словоформа *Гор* в ответе – это собственно ответ на вопрос, но он является темой, а рема *вице-президент* – это то, что уже было в вопросе. Безусловно, в рассмотренном примере рема *вице-президент* – не простая, а возникающая в ситуации выбора, который нарушает законы формирования рем и снимает некоторые запреты. Между тем в любом случае ей нельзя отказывать в свойстве быть ремой, см. обсуждение таких примеров в [Halliday 1967: 223–231; Dryer 1996: 492–494].

Определения фокуса часто приводят не только к смещению фокуса и нового, но также фокуса и контраста, так как для фокуса часто признается характерной еще и идея выбора из множества возможностей [Jacobs 1983; 1988; Rooth 1985]. Кроме того, понятие фокуса распространяется и на речевые акты, иные, чем повествовательное предложение, например, на вопрос [Купо 1982]. Заметим, однако, что в вопросе, во всяком случае прямо, ничего не сообщается, поэтому понятие фокуса, или сообщаемого, к вопросу не применимо.

С. Дик рассматривает типологию фокусов и показывает, что они бывают контрастные и простые, в его терминологии – комплетивные, среди контрастных выделяются селективные, рестриктивные и др. [Dik 1989: 282–285]. Свою задачу мы видим в том, чтобы показать, что разнообразие царит не только среди фокусов, но и среди топиков, интеррогативов и императивов и т.д. Это разнообразие достигается за счет модифицирующих значений.

Итак, функция ремы состоит в том, чтобы создавать отдельный и отличный от других тип речевого акта. Интенционал ремы состоит в идентификации некоего речевого акта как сообщения. Связь коммуникативной структуры предложения со структурой дискурса опосредованна: она лежит через понятие информационной структуры¹ и понятия активации знаний в сознании собеседников, т.е. состоит в том, что фрагмент семантического представления, отвечающего реме, и новая информация как правило экстенционально совпадают. Значит, коммуникативная структура выражает речевое намерение говорящего независимо от того, какие блоки информации (известные или неизвестные, активированные в сознании слушающего или не активированные) используются для формирования компонентов предложения, конституирующих предложение как речевые акты. При экстенциональном совпадении между коммуникативными компонентами (темой–ремой) и информационными (активированное–неактивированное) нет интенционального равенства. Путь от картины знаний, представленной в сознании собеседников, к коммуникативному членению предложения лежит через презумпцию рационального поведения говорящего, который старается сообщать только новое, а в качестве зачина использовать тем или иным образом активированную информацию. Однако, если по каким-то причинам он использует уже активированные данные в качестве ремы, это может не лишить ее свойства быть ремой. В разделе 1.13.1.2 при обсуждении слов контраста мы надеемся показать, что коммуникативные составляющие повествовательных предложений, лишенные "рематических" средств выражения, а именно – интонации ИК-1, ремами не являются: иллюзия ремы может возникать в темах в контексте слов с семантикой контраста, таких, как *только* (*«Маши и Коля считали Машу виноватой.» И только Вася ↑ (не осудил \ ee)»*)², квантификации (*«Все присутствующие были против Маши. Но потом пришли Вася, Коля и Петя». Они трое ↑ (не осудили \ ee)»*), существования единственного элемента (*Сам ↑ он (не справится \)»*), в контексте выбора (*Из американских ↑ вин (он выписывает калифорнийские \)»*), в контексте сложного предложения (*Вот Вася придет ↑, (и мы все пойдем гулять \)»*).

1.4. План содержания коммуникативной структуры предложения – фрагменты семантического представления некоторой ситуации, где каждый фрагмент предназначен

¹ Теория коммуникативной структуры *f-structure* [Reinhart 1981; Erteschik-Shir (в печати)], где динамика дискурса представлена в виде метафоры колоды карт, которую все время тасуют и пополняют собеседники, представляется не теорией коммуникативной структуры, а скорее теорией информационной структуры дискурса. Дело в том, что говорящие в диалоге не только обмениваются информацией (т.е. как бы перекладывают имеющиеся карточки и создают новые, и при этом чем новее информация, тем ближе к вершине колоды находится соответствующая ей карточка), но упаковывают ее в речевые произведения с определенными коммуникативными целями, и притом – весьма разнообразными. Нельзя не признать, что информационная структура в большой степени определяет коммуникативную структуру. Зависимость коммуникативной структуры от информационной была бы еще более существенной, если бы говорящие использовали только повествовательные предложения и совсем не задавали бы вопросов и не позволяли бы себе в порыве чувств использовать восклицательные предложения. Дело в том, что вопросительные предложения, императивы и восклицания в большей степени, чем повествовательные предложения, выражают внутренний мир говорящих и воздействие говорящих друг на друга, и они гораздо меньше связаны с окружающим собеседников миром, в частности, с контекстом дискурса. Как кажется, в теории фокус-структуры речевые намерения говорящего уходят на задний план, уступая место процессам обмена информацией.

² В угловые скобки помещается необходимый для обсуждения феноменов контекст.

для функционирования в роли сообщаемого, в роли вопросительного или не-вопросительного компонента вопроса и т.д. План выражения коммуникативной структуры – цепочка словоформ с заданной на ней системой тональных коммуникативно релевантных акцентов и выбранными по специальным правилам словоформами-носителями таких акцентов, а также порядком следования просодически оформленных линейных фрагментов предложения.

Соответствие разбиения семантического представления ситуации на коммуникативно охарактеризованные блоки просодически оформленным линейным фрагментам предложения обычно имеет однозначный характер. Так, если говорящий предполагает передать слушающему сообщение о Васе, которое состоит в том, что Вася занят писанием стихов, то в предложении *Вася пишет стихи* словоформа *Вася* – это тема, а *пишет стихи* – рема. Однако соответствие между семантическим уровнем и поверхностным при выражении коммуникативной структуры может иметь и сложный характер. Так, если роль сообщаемой части играет *да-нет*-значение, т.е. смысл ‘соответствие некоторого положения дел действительности’ (когда сообщается, что некоторое известное положение дел имело или не имело место), то на поверхностном уровне это выражается целым предложением, в котором акцентоносителем служит личная форма глагола: *Вася пришел* ∨. Двойная стрелка здесь обозначает верификативную, или *да-нет*-рему, так же, как и контраст, так как *да-нет*-значение – это частный случай контраста (по Е.А. Брызгуновой – это ИК-2 [РГ 1982: 111]), о контрасте см. ниже в разделе 1.13.1, о верификации – 1.13.2. Приведем другой пример. Коммуникативно релевантный компонент может при эллипсисе сокращаться до нулевого выражения. Так, русские вопросы с *А* (*А Вася?*)³, восходящие к вопросам с вопросительным словом (*А Вася ∨ где?*) или к *да-нет*-вопросам (*А Вася ∨ идет √?*), вообще лишены материального воплощения собственно вопросительной части (вопросительные компоненты *где?* и *идет?* в вопросе *А Вася ∨ √?* отсутствуют) – ее наследницей служит интонация ИК-4 (знак ∨ √), по Е.А. Брызгуновой, которая фиксируется на единственно оставшемся не-вопросительном компоненте.

1.4.1. Коммуникативная составляющая служит носителем коммуникативного значения, быть может, не единственного. Темы, ремы, вопросительные и не-вопросительные компоненты вопросов, контрастные темы, контрастные ремы предложений и т.д. – это примеры коммуникативных составляющих. Коммуникативные составляющие могут быть разрывными. Так, в предложении из анекдота *Выходит Анка замуж* составляющая *выходит замуж* – это разрывная рема (или результат дислокации, по И.И. Ковтуновой [1976: 120–125]), а *Анка* – тема, которая попадает в образовавшуюся при разрыве коммуникативную нишу. Коммуникативная составляющая весьма часто представляет собой одну синтаксическую составляющую. В некоторых случаях это могут быть две и более синтаксических составляющих. В предложении *⟨Не курицу лис,⟩ Подстерег √ – монах девку ∨* словоформа *подстерег* – это тема, а *монах девку* – рема, которая состоит из двух синтаксических составляющих, не сводимых к единой синтаксической составляющей. Эта коммуникативная структура отличается от коммуникативной структуры предложения *Выходит √ Анка замуж ∨*, где *выходит* – это компонент дислоцированной ремы *выходит замуж*. Формальное отличие линейно-акцентной структуры с дислокацией ремы *Выходит √ Анка замуж ∨* от коммуникативной структуры с глаголом-темой *Подстерег √ – монах девку ∨* состоит в том, что на словоформе *подстерег* может быть как тон ИК-3, так и ИК-6, а на словоформе *выходит* тона ИК-3 не может быть: **Выходит √ Анка замуж ∨*. Таким образом, в пред-

³ О русских эллиптических вопросах типа *А Вася?* см. [РГ 1982: 114–115; Кодзасов 1996: 198; Матусевич 1976: 261–266], румынских, греческих, албанских, македонских [Николаева 1996: 241–245], вьетнамских и польских [Huszcza 1988: 62], японских типа *Syokuzi wa?* ‘А поесть?’ [Backhouse 1993: 132].

ложении *Подстерег* ↑ – монах *девку* ↓ глагол – это тема, а в предложении *Выходит* ↑ *Анка замуж* ↓ глагол – компонент ремы.

1.5. Коммуникативная стратегия говорящего состоит в выборе коммуникативных намерений и распределении квантов информации по коммуникативным составляющим. Коммуникативная стратегия включает в себя: (1) выбор глобального речевого намерения, например, намерения констатировать факт, задать вопрос, обратиться с просьбой; (2) отбор тех компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям; (3) определение того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему и т.д. (так, один и тот же объем информации может составить одну рему – { *Что это вы так расстроены?* } – *Дети кашу* ↓ *плохо едят* – или две в разных предложениях { *Что это вы так расстроены?* } – *Да все дети* ↓. *Они у меня кашу* ↓ *плохо едят*); (4) соотнесение квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии (так, активированное в сознании говорящего и входящее в его личную сферу – свое – с большой вероятностью станет не-конституирующим компонентом будущего предложения); (5) определение порядка следования коммуникативных составляющих (так, если говорящий сильно под впечатлением от происходящего, он может начать сообщение прямо с ремы, тема тогда попадет в конечную заударную позицию); (6) настройку коммуникативной структуры высказывания на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный, режим озвучивания письменного текста, скажем, прогноза погоды или сводки новостей), стиль (эпический, разговорный) и жанр (стихи, анекдот, лозунг, рекламный призыв, лекцию), о коммуникативных стратегиях см. [Бергельсон, Кибрик 1987; Кибрик 1992: 185; Бергельсон 1998].

Рассмотрев понятия коммуникативной структуры, коммуникативной стратегии и коммуникативной составляющей, вернемся к рассмотрению коммуникативных компонентов речевых актов.

1.6. Коммуникативные компоненты вопроса. Коммуникативным конституентом вопроса служит его вопросительный компонент, или неизвестное вопроса. Так, в вопросе *Где Вадик познакомился с Марусей?* слово *где* – это вопросительный компонент (неизвестное вопроса), а *Вадик познакомился с Марусей* – это не-вопросительный компонент (известное вопроса). В *да-нет-вопросе* *Вадик познакомился с Марусей ?* { *Или с Катей?* } компонент *Вадик познакомился с* – это не-вопросительный компонент, а *Марусей* – вопросительный компонент. В вопросе { *Что за радость?* } *Вадик с Марусей ? познакомился?* весь вопрос в целом – это вопросительный компонент, а не-вопросительного компонента в нем нет. Не-вопросительный компонент – это не-конституирующий компонент вопроса. В вопросах *Который час?* и *Что делать?* не-вопросительного компонента тоже нет, но в целом, не-конституирующий компонент вопроса функционально очень весом, так как он задает условия для поиска информации.

1.7. Коммуникативные компоненты повелительного предложения. В императивном предложении тоже есть конституирующая – императивная – и может быть не-конституирующая (не-императивная) часть. Приведем примеры не-конституирующих компонентов императива: *Студентов с первого курса* { *не забудь включить в список на стипендию* }; *Суп* { *не ешь – от него полнеют* }. В последнем примере составляющая *суп* служит не-императивным компонентом повелительного предложения. Итак, в императиве не-конституирующая часть тоже может быть, но чаще всего ее не бывает.

1.8. Обращение. Речевой акт обращения может быть самостоятельным, как *Вася!*, или входить в состав речевого акта другого типа на правах внеструктурного элемента; *Подвинься, Зин* (В. Высоцкий). Мы не находим в составе обращений не-конституирующих частей.

1.9. Восклицательные предложения задаются набором структурных схем, которые включают восклицательные лексемы и конструкции, например *Какой!*, *Что за!*, *Какая*

сегодня хорошая погода! Черт возьми! Ну и жара же!. В составе восклицательных предложений не-конституирующий компонент отсутствует.

Выражение сильных чувств говорящего может не только формировать отдельный речевой акт восклицания, но и паразитировать на речевых актах других видов на правах не-конституирующего модифицирующего значения. Последнее явление мы определяем как *эмфазу*, см. раздел 1.13.4.

1.10. Не-конституирующие элементы в речевых актах задают основу для старта речевого акта. Не-конституирующий элемент – это то, про что делается сообщение, про что спрашивается, касательно чего высказывается просьба: *Студенты на первом курсе – {хорошие}*; *Студенты с первого курса – {пришли?}*; *Студентов с первого курса {где найти?}*; *Студентов с первого курса {не забудь включить в список на стипендию}*.

1.11. Коммуникативная структура в узком смысле задает один из пяти рассмотренных типов речевых актов. Это членение на тему и рему, вопросительный и не-вопросительный компонент вопроса и т.д. Область определения коммуникативной структуры в этом смысле – предложение.

1.12. Коммуникативная структура в широком смысле включает, кроме того, что понимается под коммуникативной структурой в узком смысле, коммуникативные значения, которые не образуют речевые акты, а модифицируют их. Это – контраст, верификативное, или *да-нет*-значение, эмфаза и некоторые другие. Область определения этих значений – конститuentы коммуникативных структур в узком смысле: темы, ремы, вопросительные и не-вопросительные компоненты вопросов, императивные и не-императивные компоненты повелительных предложений. Контраст и другие значения определены на готовой коммуникативной составляющей (теме, реме, вопросительном компоненте и т.д.) и выражаются синкретично с ней. Так, особое ударение на словоформе *воскресную* формирует контрастную тему в предложении *Воскресную ↑↑ прогулку пришлось отложить*.

1.13. Модифицирующие коммуникативные значения. Контраст, *да-нет*-значение (верификативное значение, или верификация) и другие модифицирующие коммуникативные значения тоже выражают отношения между говорящим, миром и слушающим, но не служат для формирования речевых актов, а дифференцируют речевые акты внутри одного типа. Они выражаются синкретично со значениями, которые формируют речевые акты: определенный план выражения – акцентная структура совместно со способами выбора носителей релевантных акцентов – маркирует одновременно тему плюс контраст или вопрос плюс верификацию. Значение речевого акта в предложении есть всегда, а контраст – необязательно.

1.13.1. Контраст. Семантика контраста состоит в том, что при контрасте (1) возникает идея об ассоциированном с выделенным элементом множестве и о процедуре выбора из этого известного обоим собеседникам множества; (2) при сопоставлении выделенного элемента с другими, которые могли бы оказаться на его месте, возникает идея об отрицании всех других возможностей, кроме выделенной, либо, если контекст эксплицитно указывает на то, что выделенный элемент попадает в такую же ситуацию, что и другие элементы, возникает инклюзивное значение (= 'тоже', ср. *У всех ↓ ↓ жена сбежала; У меня у самого ↓ ↓ жена сбежала; В эстафете победили они ↓ ↓ же*); (3) если речь идет о повествовательном предложении, то выбор элемента, который попал под контраст, связан с опровержением (*Это не Вася. а Петя ↓ ↓*) или подтверждением ожиданий некоего оппонента, например слушающего, но не обязательно его (*Да-да, это Вася ↓ ↓*). А если речь идет о вопросе, то говорящий опять же просит подтвердить или опровергнуть его предположения касательно возможного выбора. Таким образом, *да-нет*-вопрос – это контрастный вопрос.

Соглашается говорящий с мнением предыдущего оратора или опровергает его, выражается не средствами контраста. Контраст отвечает только за соотносительность с

предшествующим ему высказыванием. Таким образом, явление контраста возбуждает к жизни два компонента фонового знания (background knowledge) – (1) ассоциативное множество элементов, на фоне которых рассматривается референт выражения, появившего под контраст (когда мы говорим *Вася* \ \ – это значит, что есть и другие, например Петя и Маша), и (2) отсылку назад к мнению предыдущего оратора, с которым говорящий соглашается или не соглашается.

Прототипический способ выражения контраста – интенсивное акцентное выделение акцентно-контрастной коммуникативной составляющей.

1.13.1.1. Сочетаемость контраста с конституентами речевых актов. Контраст совместим со всеми конституирующими и не-конституирующими элементами речевых актов, кроме восклицания и обращения. Контраст выражается синкретично с конституирующими и не-конституирующими значениями речевых актов. Бывают контрастные ремы (*Вася пришел* \ \, *(а не приехал)*) – это классический тип контраста, или так называемое логическое ударение, контрастные темы (*Воскресную* \ \ *прогулку пришлось отложить окончательно*), контрастные вопросительные компоненты вопроса (*КТО* *пришел?*; *Кто именно* \ \ *пришел?*; *Который?*) и контрастные не-вопросительные компоненты вопроса – *Какое оборудование завод Продмаш производит серийно* \ \?; *Серийно* \ \ *завод Продмаш какое оборудование производит?* Вопросы без вопросительного слова, или *да-нет-вопросы*, – это, как уже говорилось выше, контрастные вопросы, в которых синкретично выражается интеррогативность и контраст: *Вася* \ *пришел?* (*Или Маша?*); *Вася* *пришел* \? (*Или на велосипеде приехал?*). Императивный компонент тоже может включаться в контрастное противопоставление: *Ты лучше пиши* \ \, *(а не читай)*; *Пиши стихи* \ \, *(а не прозу)*. Не-императивный компонент с контрастом выглядит так: *Красный* \ \ *бархат – не шей, (лучше синий)*; *Красный бархат* \ \ – *не шей, (лучше синий ситец)*.

Впервые о сочетаемости контраста с темой нам стало известно из работ Ю.С. Мартынянова [1970; 1971: 70], где контраст понимается как один из случаев эмфазы и говорится о том, что "интонационно-акцентуационные средства сигнализируют о внутренней эмфазе на соответствующем слове темы или ремы", см. также о контрастном начале в [Падучева 1985: 118]; о контрастной теме [Богуславский 1996: 386]⁴.

В сферу действия контраста могут попасть единицы любого уровня – от фонемы до предложения (*не немецкий, а)немецкий*; (*не пришел, а)ушел*; (*не ветер ветку клонит, а) мое сердечко стонет* (сфера действия выделена жирным шрифтом). Контрастная коммуникативная составляющая формируется в соответствии с определенными правилами, которые регламентируют выбор носителя соответствующего ударения. Итак, рема (тема) и контрастная рема (контрастная тема) – это различные понятия, и контраст не выражается отдельно, а соединяется с коммуникативными компонентами речевых актов.

1.13.1.2. Слова контраста. Слова *именно*, *даже* и *только*, английское *only* традиционно считаются рематизаторами, или фокализаторами (см., например [Апресян 1988: 19; König 1991; Hajičová, Sgall 1996: 7; Богуславский 1998: 10–12]). Между тем, (1) толкования этих слов имеют весьма существенную область пересечения с определением коммуникативного контраста. Так, упрощенное толкование предложения *Иван*

⁴ Приведем толкование контрастной темы, которое строится на понятии выбора элемента из множества. Представляется, что идея выбора – это конституирующий семантический признак не только контрастной темы, но и контраста вообще: "Семантическая нагрузка контрастной темы состоит в следующем: если некоторый элемент *d* в составе пропозиции *P(d)* выделяется в качестве контрастной темы, то к пропозиции *P(d)* добавляется значение 'элемент *d* выбран говорящим среди других релевантных элементов, и говорящий ничего не сообщает о том, обладают ли они свойством *P*'. Прагматически предложение с контрастной темой чаще всего предполагают, что кроме *d* ни один объект не обладает свойством *P*. Контрастная тема выделяется подъемом интонации и ставится в начале предложения" [Богуславский 1996: 386].

читает только журналы, по И.А. Мельчуку⁵, таково: 'Иван читает журналы, и не-верно, что существует такой X, не являющийся журналом, который Иван читает' [Мельчук 1974: 69]. Очевидно, что требование наличия ассоциированного множества, выбора из него и отрицания других возможностей, кроме выбранной, которые предусмотрены контрастом (см. подраздел 1.13.1), у слова *только* налицо. Кроме того, (2) слово *только* и другие слова-рематизаторы могут легко включаться в тематическую составляющую, ср.: (а) *Петя проиграл, Вася проиграл, и только Ваня* \\\ *выиграл* – (б) *Петя проиграл, Вася проиграл, и только Ваня* ?? // *выиграл* \\\.

В примере (а) группа *только Ваня* – это контрастная рема, а в примере (б) группа *только Ваня* имеет статус темы. При такой расстановке коммуникативных сил группа *только Ваня* в примере (б) служит контрастной темой, а глагольная группа *выиграл* – это контрастная рема. Из примеров (а) и (б) видно, что в них рематическая интерпретация группы с *только* возникает не автоматически, т.е. под давлением контекста сопоставления, а в результате коммуникативной стратегии говорящего.

Приведем другой пример – из газеты – с "тематическим" *только*: *Только после смерти Мао и ареста его жены Ё Дэн получил возможность реализовать свою мечту о преобразовании Китая* \\. Аналогичный пример можно привести и для *даже*, которое тоже традиционно считается рематизатором: *Даже после смерти Мао и ареста его жены Ё Дэн не получил возможности осуществить свою мечту о преобразовании Китая* \\. Ср. также английские соответствия: *Only after Mao's death Ё did Dan get an opportunity of fulfill his plans concerning China's \ reformation; Even after Mao's death Ё Dan did not get an opportunity to fulfill his plans concerning China's \ reformation.*

Контраст, который выражается лексически, может быть не связан с особым акцентным выделением (ср. *Машиа любит только Васю* \), а в некоторых специальных случаях контрастная составляющая даже может остаться "безударной". Под безударностью здесь понимается отсутствие коммуникативно релевантного ударения. Так, Т.М. Николаева указывает на "отсутствие прямой смысловой зависимости между наличием частицы и возникновением акцентного выделения" [Николаева 1985: 125].

На идее о том, что слово *only* служит фокализатором, т.е. формирует ремю, основана трактовка фокусов (рем) второй встречаемости ("second occurrence") как "безударных" [Partee 1994: 364]:

A. *Eva only gave xerox copies to the GRADUATE STUDENTS.*

B. *No, PETR only gave xerox copies to the graduate students.*

Группа *only gave xerox copies to the graduate students* в предложении В интерпретируется как фокус, потому что содержит слово *only*, но она "безударна", так как целиком заимствована из предшествующего предложения А. Между тем примеры употребления *только* и *only* в роли темы показывают, что то, что предлагается считать фокусами второй встречаемости, – это, скорее, заударные топики (темы), чем фокусы, или ремы (ср. также высказывание М. Драйера, согласующееся с нашей точкой зрения [Dryer 1996: 477]). Они "безударны", как и положено быть темам, которые расположены после рем. Значит, ремой в предложении В служит составляющая *PETR*, и другой ремы в этом предложении нет.

Наша гипотеза состоит в том, что "безударных" рем (фокусов) не бывает. Рема может выражаться лексически или морфологически (ср. японский маркер темы *wa*,

⁵ Можно привести также более поздние толкования слова *только* у других авторов [Николаева 1985: 25, 29, 97, 125; Богуславский 1996: 308]. Предлагаемые там толкования *только* лишь подтверждают нашу гипотезу о существенном пересечении в толкованиях *только* и определении понятия контраста. Это же положение распространяется на слово *даже* и слово *сам*, ср.: "...для всех них [фокусных частиц] свойственно представление о некоторых других объектах, на фоне которых рассматривается данный" [Богуславский 1996: 308].

который отделяет тему от ремы), но чтобы конституирующий компонент речевого акта вообще не имел регулярного средства выражения, кажется маловероятным. В русском и в английском рема воплощается как линейный поверхностный фрагмент предложения, оформленный определенным типом коммуникативно релевантного ударения. Мы понимаем рему как компонент структуры предложения, имеющий определенное поверхностное выражение. В русском языке – это интонационный контур ИК-1 плюс отсутствие акцента ИК-3, который в речевых актах других типов (вопросах) может следовать за ИК-1, а также отсутствие вопросительных слов, восклицательных лексем, морфемы повелительного наклонения и показателей уникальных речевых актов. Таким образом, компоненты повествовательных предложений в отсутствии ИК-1 мы не решаемся назвать ремами, ср., однако, иную точку зрения в [Partee 1994: 364; Кодзасов 1996: 194; Богусловский 1998: 11].

Заметим также, что при исследовании коммуникативной структуры лингвисты часто увлекались поисками ускользающего смысла и не всегда отдавали должное плану выражения. В большинстве случаев причиной тому было возмущающее действие модифицирующих значений, в первую очередь, смысловые искажения, которые вносил контраст, а также так называемые фокусные частицы и кванторные слова⁶. И это приводило к тому, что фрагменты предложения, маркированные как темы, трактовались как ремы. И данной работе мы исходим из гипотезы об *и н в а р и а н т - н о м* выражении ремы. Рема – это то, что определенным образом выражается. В повествовательном предложении есть всего два коммуникативных компонента – тема и рема, и трудно было бы предположить, что они могут "меняться" средствами выражения.

Итак, было продемонстрировано пересечение определения контраста с толкованиями слов, которые традиционно называют *focus particles*, и показано, что эффект т.н. "безударного фокуса" возникает за счет того, что присущее фокусным словам значение контраста может образовывать в предложении контрастную тему, которая ошибочно принимается за рему. Значит, *focus particles* следует скорее считать словами контраста, чем рематизаторами, и имеет смысл отграничить их от таких слов, как слово *редко*, которое действительно практически всегда служит ремой [Падучева 1989: 21; Булыгина, Шмелев 1997: 203]. Слова контраста могут входить в тематическую коммуникативную составляющую, что служит объяснением для феномена так называемых "безударных" фокусов, которые при ближайшем рассмотрении оказываются заударными темами.

1.13.2. Верификативное (да-нет-) значение – это частный случай контраста. Здесь релевантное множество, из которого производится выбор, – две возможности – "да" и "нет", или "истина" и "ложь", или "имеет место" и "не имеет места". Когда говорящий произносит повествовательное предложение, предполагается, что то, о чем он говорит, есть на самом деле, т.е. предложение по умолчанию понимается как истинное. Значит, в контекстно не зависимом повествовательном предложении, кроме информации о положении дел, содержится оценка положения дел как имеющего или не имеющего места в реальном мире. Пусть содержание положения дел известно заранее, а имеет положение дел место в мире или не имеет, неизвестно. Такое бывает, когда чего-то, например приезда Васи, ждут или о нем спрашивают. В таком случае информация о положении дел известна заранее. Когда ожидания сбываются, говорят *Вася пришел* √; *Вася таки пришел* √; *Вася действительно* √ *пришел*; *А Вася и пришел* √. Здесь в центре сообщения – не какое было событие, а было ли оно. Регулярный способ выражения *да*-значения – контрастное акцентное выделение финитного глагола. *Нет*-значение выражается лексически – с помощью отрицательной частицы

⁶ Сложное предложение также служит возмущающим контекстом, потому что "трансформирует" целое предложение в тему. Так, в примере *Приду я завтра пораньше домой* √ и *сяду телевизор смотреть* √ фрагмент *приду я завтра пораньше домой* – это тема, а в примере *Когда я пришел домой* √, *никого еще не было* √ тема – это *когда я пришел домой*.

не. Другие лексические способы выражения *да-нет-значения* – слова *правда*, и, *отнюдь*.

1.13.2.1. Сочетаемость *да-нет-значения* с конstituентами речевых актов. *Да-нет-значение* может сочетаться со значениями, которые формируют типы речевого акта, – со значением *ремы*, значением *темы*, с вопросительным и не-вопросительным компонентами вопроса (для вопросов с вопросительным словом). Примеры верификативной (или *да-нет-*) *ремы* – *Вася пришел* ∪ ; *⟨Вася пришел ? ⟩* – *Пришел* ∪ . Пример верификативной *темы*: *Вот придет* ∪ *барин*, *⟨барин нас рассудит⟩*. Сочетание *да-нет-значения* с вопросительным компонентом вопроса представлено примером *Вася пришел ?*, а с не-вопросительным компонентом – примером *⟨Когда⟩ Вася наконец придет* ∪ ?

1.13.3. Информация о положении дел⁷ – это тоже одно из модифицирующих коммуникативных значений. Информация о положении дел и истинностная оценка, или *да-нет-значение*, могут выражаться отдельно друг от друга. Когда информация о положении дел известна заранее, в предложении может сообщаться только, имеет данное положение дел место в мире или нет. Предложение с такой расстановкой коммуникативных сил мы называли верификативным. Возможна и обратная ситуация – когда заранее известно *да-нет-значение*, а в центре сообщения оказывается только то, в чем соответствующее событие состоит. Такая коммуникативная ситуация возникает в том случае, когда по косвенным признакам видно, что что-то происходит, но неизвестно, что именно. Когда слышат шум, говорят: *Самолет ∪ летит*; *Ветер ∪ бушует над бором*. Когда видят толпу на улице и карету скорой помощи, говорят: *Машина прохожего ∪ сбила*. Сообщаемым в таких предложениях служит только информация о положении дел. Предложения такого типа исследовали S.-Y. Kuroda [1972], S. Schmerling [1974], Т.М. Николаева [1981; 1982; 1985], Ch. Bonnot, I. Fougeron [1982; 1983], А.Н. Баранов, И.М. Кобозева [1983], О. Yokoyama [1986], H.J. Sasse [1987; 1995], H.R. Mehlig [1991], Т.Е. Янко [1991], Е. Maslova [1995]. Эта традиция берет начало от так называемых *thetic sentences*, которые рассматривал Матезиус (*Your eyes ∪ are red*; ср. *Ты плачешь? У тебя же глаза ∪ красные*).

1.13.3.1. Сочетаемость признака ‘информация о положении дел’ с конstituентами речевых актов. Приведем примеры сочетаемости признака ‘информация о положении дел’ с темой (а), ремой (б), интеррогативностью (в) и не-вопросительным компонентом вопроса (г): (а) *⟨Это⟩ не стол ? упал*, *⟨а полка рухнула⟩*; (б) *⟨Это не стол ? упал, а⟩ полка ∪ рухнула*; (в) *⟨Это⟩ стол ? упал?*; (г) *Если это стол ∪ упал, ⟨Вася рассердится ? ⟩*

1.13.4. Эмфаза. В семантику эмфазы входит представление о норме. В эмфатических высказываниях она оказывается либо превышенной, либо положение дел, по поводу которого выражаются сильные чувства, решительно отстает от стандарта. Таким образом, возникает представление о некоторой шкале ценностей, и оказывается, что то положение дел, о котором говорится, можно отнести к одной или другой границе шкалы. Так, в предложении *Двадцать крон я за нее отдала!* содержится идея о том, что двадцать крон – это очень много, а в предложении *У тебя уже есть сын?!*, напротив, предполагается, что слушающему слишком мало лет для того, чтобы иметь ребенка.

⁷ Вместо нового термина “информация о положении дел” здесь можно также использовать термины “пропозиция” (в противовес истинностному значению) или “диктум” (по Ш. Балли [Балли 1955]) в противовес модусу. Мы вводим новый термин, чтобы избежать груза ненужных ассоциаций и обсуждения вопроса правомочности использования этих терминов, отдавая себе отчет в том, что необходимые понятия уже разработаны в логике и лингвистике.

Сочетаемость эмфазы с компонентами речевых актов не столь очевидна, как сочетаемость с ними контраста. Комбинация эмфазы с не-конституирующими компонентами речевых актов затруднена. В примерах, где она возможна, она поддержана лексическими эмфатическими средствами, например, словом *такой*. Приведем пример с эмфатической темой: *Такую огромную / клетку мне ни за что не съесть * (мы оставляем здесь интонацию эмфазы на словоформе *такую* не помеченной, на ней зафиксирован только знак темы /). Прототипический способ выражения эмфазы – эмфатическая интонация.

1.14. Средства выражения коммуникативных значений в русском языке сводятся к следующему: (1) речеактовые коммуникативные значения маркируются фразовыми акцентами, лексически (так, для речевого акта вопроса лексическое выражение – с помощью вопросительного слова – регулярно) и морфологически (так, императив маркируется наклоном), 2) модифицирующие значения (контраст и верификация) – интенсивностью фразового акцента (графически это изображается не одной стрелкой, а двумя) и лексически, а (3) сфера действия коммуникативных значений (объем коммуникативной составляющей) – выбором акцентоносителя в коммуникативной составляющей.

Покажем, что при разных коммуникативных структурах и одной лексико-синтаксической структуре акцентоносители могут быть различны. В предложении *Короткие юбки снова вошли в моду * рему *снова вошли в моду* оформляет ударение на словоформе *моду*, подобно тому, как фразовое ударение формирует фонетическое слово, делая его фонетически отдельным от других слов. Между тем в предложении с тем же лексико-синтаксическим составом, но другим объемом коммуникативных составляющих (в нем одна коммуникативная составляющая – это цельная рема), ударение – на словоформе *юбки*: *{– Что ты так радуешься?} – Короткие юбки \ снова в моду вошли.*

Средства выражения речеактовых (1) и модифицирующих (2) коммуникативных значений мы рассмотрели выше при обсуждении коммуникативных значений. Рассмотрим теперь средства выражения объема коммуникативной составляющей (3). В следующем разделе будут введены группы правил для составляющих различной синтаксической природы. Коммуникативная составляющая может быть именной группой (*Вася*), глагольной группой (*читает книгу*), целым предложением (*{Тихие.}, Вася книгу читает*), двумя и более синтаксическими составляющими, не сводимыми к одной (*{Не курицу лис, подстерег} монах девуку*), нулевой составляющей (*А Вася?*, где собственно вопросительная часть *где?* или *пойдет?* утрачена при эллипсисе), разрывной составляющей (*Выходит {Анка} замуж*), подчиненной составляющей, которая сама входит в более крупную синтаксическую составляющую (*{Селедку купила} баночного посла; {Жену он себе выбрал} красивую; {Затормозил он} резко*).

Перейдем к рассмотрению групп правил выбора акцентоносителя.

1.14.1. Правила выбора акцентоносителя коммуникативной составляющей. Существует несколько групп правил выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей в зависимости от ее синтаксического статуса: правила выбора акцентоносителя в именной и глагольной группе (NP и VP); правила выбора акцентоносителя в некусной составляющей, т.е. когда коммуникативная составляющая – это все предложение в целом (S), раздел 1.14.1.1; правила выбора акцентоносителя в контрастной коммуникативной составляющей, раздел 1.14.1.2; правила выбора акцентоносителя в верификативной составляющей, раздел 1.14.1.3; правила выбора акцентоносителя в синтаксически сложной коммуникативной составляющей, которая состоит из двух или более синтаксических составляющих, не сводимых к одной, раздел 1.14.1.4. На правилах выбора акцентоносителя в именных NP и глагольных группах VP мы не останавливаемся, т.к. эта задача решена в работах И.И. Ковтуновой [1976: 146], см. также [Николаева 1982: 9; Кодзасов 1993: 183]. Мы приведем только примеры (следуя за

И.И. Ковтуновой, мы выделяем акцентоноситель прописными буквами): *белый от инея ПОЕЗД; поезд из САРАТОВА; натюрморт с зеленой лампой на фоне ночного НЕБА; быстро СКРЫЛСЯ; скрылся за ближним ЛЕСОМ; умеет писать друзьям длинные письма на десяти СТРАНИЦАХ.*

1.14.1.1. Акцентоноситель в составляющей, равной целому предложению выбирается в соответствии со следующими правилами: в предложении, где есть подлежащее и дополнение, ударение падает на дополнение, если оно новое (← *Что случилось?*) – *Иванов руку \ сломал*); если оно старое (активированное) – ударение падает на подлежащее (← *Что случилось с часами?*) – *Их дети \ уронили* (ср. (← *Что случилось?*) – *Дети часы \ уронили*)); если в предложении имеется подлежащее и сказуемое, ударение падает на подлежащее (← *Ты что ходишь на цыпочках?*) *Бабушка \ спит*). Если в предложении несколько актантов, то ударение падает на "последний" (предполагается, что актанты глагола пронумерованы): (← *Почему так пусто в отделе?*) – *Директор пять человек в Москву для обмена опытом \ командировал*. Таким образом, акцентоноситель, выбранный по синтаксическому признаку, уступает свое право "предыдущему" акцентоносителю, если он сам уже активирован в предтексте. Значит, если в предложении *n* актантов, и *n*-й актант – активированный, то акцентоноситель – *n*-1-й актант. Это же правило можно распространить не только на актанты, но и вообще на всю иерархию акцентоносителей. Так, если в предложении есть актант и сирконстант и актант – активированный, то роль акцентоносителя уходит к сирконстанту, несмотря на то, что в общем случае у него меньше шансов стать в предложении рассматриваемого типа акцентоносителем. Кроме того, актант может уступить свое право акцентоносителя, если он "не-прототипический". Так, "неодушевленное" подлежащее может иметь приоритет перед "одушевленным" дополнением: (← *Почему же вы уехали?*) – *Катю совесть \ замучила* (но ср. *Здесь нацисты людей \ замучили*). Приведем иерархию компонентов предложения в соответствии с их готовностью принять на себя роль акцентоносителя коммуникативной составляющей типа S. Элементы приводятся в порядке возрастания их права на роль акцентоносителя: активированные, обстоятельства образа действия, сказуемое, сирконстанты, подлежащее, другие актанты в порядке их следования в предположении, что актанты каждого данного предиката упорядочены.

1.14.1.2. Акцентоноситель в контрастной составляющей определяется в соответствии со следующими правилами. Если под контраст попадает референт одиночной словоформы, то она ударна и образует цельную контрастную составляющую: *Воскресную П* (*прогулку пришлось отложить окончательно*). Здесь словоформа *воскресную* служит носителем контрастного ударения, так как ее референт подвержен контрасту: воскресная прогулка противопоставлена как минимум субботней, а может быть, и какой-то еще. Словоформа *воскресную* составляет контрастную тему анализируемого предложения. Если контрасту подвержен референт составляющей, которая представляет собой именную или глагольную группу или целое предложение, то акцентоноситель выбирается в соответствии с правилами для VP, NP или S. Так, если воскресная прогулка противопоставлена вечернему чаю [пример (а)], то в составляющей *воскресная прогулка* акцентоноситель – слово *прогулка*, если писание стихов противопоставлено вспахиванию земли [пример (б)], то в составляющей *пишет стихи* ударение на словоформе *стихи*. Если писание стихов Васей противопоставлено вспахиванию земли Ваней [пример (в)], то акцентоноситель в составляющей *Вася пишет стихи* – на словоформе *стихи*. Ср.: (а) *Воскресную прогулку П пришлось отложить, а традиционный вечерний чай остался в распоряжке дня*; (б) *Он пахнет землю, а не пишет стихи* \; (в) *Я рад тому, что Вася стихи \ пишет, а не тому, что Ваня землю пахнет*. В рассмотренных примерах (а)–(в) неважно, о контрастной теме речь

или о контрастной реме, – акцентоноситель здесь выбирается по общим правилам. В *да-нет-вопросе* (контрастном) и в контрастном не-вопросительном компоненте вопроса акцентоноситель выбирается в соответствии с теми же правилами. *⟨Что ты так радуешься?⟩* *Вася стихи ↑ пишет?; Вася стихи ↓ пишет // давно?↑*

Возникает вопрос: какова коммуникативная роль фрагментов, которые входят в одну ближайшую в дереве зависимостей синтаксическую составляющую с контрастно выделенными, но не попали в контрастную коммуникативную составляющую? Или, на примере, какая коммуникативная роль приходится на компонент *прогулку*, если под контраст подпадает словоформа *воскресную* в предложении *Воскресную ↑ прогулку пришлось отложить окончательно?* Если в предложении контраст приходится на конституирующий компонент – рему, вопросительный компонент вопроса или императив – то все фрагменты, входящие в соответствующую именную или глагольную группу, но не входящие в контрастную коммуникативную составляющую, отходят к не-конституирующему компоненту. Они промывают к темам: **Я доволен в о-скресной прогулкой** ↓↓ *⟨а не воскресным походом в театр⟩*; **Я доволен воскресной** ↓↓ **п р о г у л к о й**; **Я ↓↓ доволен воскресной прогулкой** (здесь тема с примыкающими к ней остатками синтаксических составляющих, образовавшимися в результате контраста, помечена жирным шрифтом, а сами остатки контрастных составляющих дополнительно помечены разрядкой).

Если контраст приходится на не-конституирующий компонент, то все фрагменты, которые не попали в контрастную коммуникативную составляющую или в конституирующий компонент, приходится на заударные компоненты коммуникативной структуры, т.е. тоже входят в не-конституирующий компонент. Примеры: *Воскресную ↑ прогулку пришлось отложить*. Здесь словоформа *воскресную* – это контрастная тема, *пришлось отложить* – это рема, а словоформа *прогулку* – это заударная, или атоническая, тема (здесь она помечена жирным шрифтом). Кроме того, элементы, не попавшие под контраст или в конституирующий компонент, могут находиться – в соответствии со своей синтаксической ролью – в абсолютном начале предложения: **Воскресная прогулка ↑** *⟨прошла великолепно, а традиционному воскресному чаю в саду помешал дождь⟩*. Для элемента, вроде словоформы *воскресная* в последнем примере, авторы Э. Валльдуви, Э. Энгдаль [Vallduví, Engdahl 1996] предусматривают термин "link." Link – это фрагмент темы (а мы будем использовать его для любого не-конституирующего компонента коммуникативной структуры, т.е. не только для темы повествовательного предложения), который унаследован из предтекста – лингвистического или экстралингвистического – и находится в начале предложения.

Итак, при анализе контрастных коммуникативных составляющих возникает вопрос о коммуникативном статусе периферийных коммуникативных компонентов, таких, как "остатки" синтаксических составляющих, образовавшихся в результате контраста.

1.14.1.2.1. Периферийные коммуникативные компоненты. Рассмотрим коммуникативные роли, которые приходится на долю второстепенных компонентов коммуникативной структуры предложения. Эта задача возникает как результат описания структуры контрастной коммуникативной составляющей, но представляет самостоятельный интерес, так как проливает свет на более широкий круг коммуникативных явлений.

1.14.1.2.1.1. Атоническая тема – компонент коммуникативной структуры, который, с точки зрения плана выражения, произносится на ровном тоне в аллегровом темпе и без пауз внутри этого фрагмента. Он расположен после другого, ударного, компонента коммуникативной структуры. С точки зрения плана содержания атоническая тема – это коммуникативная ниша для того, что говорящий полагает не самым важным, то, что, быть может, уже известно из самого ближайшего предтекста, или то, что, по мнению говорящего, сопутствует основному содержанию высказывания. Атоническая тема – это, в частности, коммуникативное пристанище для говорящего, потому что

туда попадают его ремарки [пример (а)], эмоциональные и вероятностные оценки сообщаемого [пример (б)], другие парентезы и обращения [пример (в)]: (а) *Дубечня – так называлась наша первая станция* – находилась в семнадцати верстах от города (А. Чехов); (б) *Дубечня, к счастью*, находилась в семнадцати верстах от города; (в) *Подвинься, Зин* (В. Высоцкий), в примерах (а)–(в) атонические темы помечены жирным шрифтом.

В атонической позиции может располагаться глагол, прикрытый справа и слева своими акантами. Я. Фирбас называет такой глагол переходом (transition) [Firbas 1956; 1961]. Если "левый" актант выражен одним полноударным словом, то глагол попадает в позицию, описанную Б. Дельбрюком [Delbrück, Windisch 1878] и Я. Ваккернагелем [Wackernagel 1892]⁸. На такое свойство глагола указывал сам Ваккернагель в своем знаменитом труде об индоевропейском порядке слов [Wackernagel 1892]. Так возникает проблема расширенного понимания закона Ваккернагеля. Перспектива расширения, во-первых, угадывается в труде самого Ваккернагеля, указавшего на возможное атоническое употребление глагола. Таким образом, демонстрируется, что во второй позиции могут оказаться не только фразовые частицы, но и глаголы. И во-вторых, другие авторы, объясняя некоторые исключения из действия закона Ваккернагеля, указывали на то, что вести отсчет позиций иногда приходится не с начала предложения, а от некоего "барьера" внутри предложения, обусловленного коммуникативной или синтаксической структурой предложения [Зализняк 1993: 286–287; Красухин 1997]. Атоническая тема весьма часто совпадает со второй позицией в предложении, т.е. той позицией, которую описал Ваккернагель как пристанище для так называемых фразовых частиц в тех языках, где действует закон Ваккернагеля.

Ситуацию спада для атонической темы в русском языке образуют все вторые позиции после релевантного для коммуникативной структуры предложения ударения, т.е. позиция и после полноценной темы, и ремы, маркированных акцентами ИК-1 и ИК-3, а также после контрастных акцентов, например ИК-2. Ударение ИК-6 (*Приходит* ↑ муж домой ↓), наравне с подъемом и каденцией, участвует в образовании атонических тем. Здесь словоформа *муж* – это атоническая тема. Если первое слово в предложении имеет акцент ИК-1 [пример (а)], ИК-3 [пример (б)] или ИК-6 [пример (в)], то атоническая тема, которая возникает после такого слова, оказывается в позиции, описанной Ваккернагелем: (а) (*Пришел больной к врачу.*) *Осмотрел* ↓ врач больного; (б) *Больной* ↑ *назавтра пришел в себя* ↓; (в) *Приходит* ↑ муж домой ↓. Здесь темы *врач больного, наавтра* и *муж* – это заударные атонические темы, которые одновременно можно назвать ваккернагелевскими темами.

За точку отсчета при определении атонической темы берется не слово, как это предусматривает формулировка закона Ваккернагеля, а коммуникативная составляющая, которая может быть крупнее, чем слово. Поэтому атоническая тема оказывается в ваккернагелевской позиции только тогда, когда начальная коммуникативная составляющая представляет собой одно слово. Далее, позиция Ваккернагеля – это вторая позиция после полноударного слова, а атоническая тема – это вторая позиция не просто после ударного слова, а после носителя коммуникативно релевантного акцента – ИК-1, ИК-3 или ИК-6. Если носитель коммуникативно релевантного ударения совпадает со всей коммуникативной составляющей и начинает предложение, то атоническая тема оказывается в позиции Ваккернагеля.

Заметим, что заударная позиция может остаться невостребованной в качестве позиции спада, т.е. после нее может возникнуть другая "ударная" составляющая. Так, после ИК-3 может возникнуть второе ударение ИК-3: *На другой день* ↑, *в двенадцатом часу утра* ↑ *гробовщик и его дочери* ↑ *вышли из калитки* (А. Пушкин). Здесь после темы *на другой день* имеется вторая полноценная тема *в двенадцатом часу утра*, а после этой – и третья *гробовщик и его дочери* [Падучева 1984].

⁸ В формулировке К. Уоткинса закон Ваккернагеля гласит: "в индоевропейском... энклитики занимают вторую позицию в предложении" [Watkins 1964: 1036].

Вторая позиция после темы – это прототипическая позиция для атонической темы. Она не только заударная, но и предударная. Это позиция между двух огней: темой и ремой. Мы позволяем себе обобщить понятие ваккернагелевской позиции и подвести под него под именем атонической темы более широкий круг коммуникативно-теневых позиций в предложении, т.е. не только второй, и не только после первого полнозначного слова, но и других, не-прототипических. Мы называем атонической любую позицию спада, т.е. заударную, которая становится пристанищем для всех коммуникативно не релевантных компонентов коммуникативной структуры. Эти позиции возникают после темы (*Больной ↑ назавтра пришел в себя*); после ремы (*Он стар ↓ для тебя*), в частности, в абсолютном начале не-первого предложения текста, т.е. после ремы или другого ударного элемента предыдущего предложения в контексте повтора (*«Что с Васей?» – С Васей беда*); после фрагмента разрывной сложной ремы (*Приходит ↑ муж домой ↓*). В атоническую позицию попадают "обрубки" синтаксических составляющих, которые остаются в результате контраста, например, *прогулку в воскресную ↑ прогулку*.

1.14.1.2.1.2. Ваккернагелевская тема. Ваккернагелевская тема – это атоническая тема, которая расположена после первого полнозначного слова в предложении.

Расширенное понимание закона Ваккернагеля нам понадобится впоследствии для описания одной из принятых в русской речи коммуникативных структур, подчиняющейся закону Ваккернагеля в расширенной интерпретации. Это коммуникативная структура с препозицией глагола и интонацией ИК-6: *Приходит ↑ муж домой ↓*; *Посадил ↑ дед репку ↓*; *Снесла ↑ курочка яичко ↓*; *Приходит ↑ раз Герасим Николаевич к Августе Авдеевне в кабинет ↓* (М. Булгаков). Такую коммуникативную структуру мы называем рецессией темы, раздел 2.3. Рецессивная тема – это частный случай атонической темы, которая одновременно находится в позиции Ваккернагеля. В примерах выше рецессивные темы помечены жирным шрифтом. Расширенное понимание закона Ваккернагеля здесь возникает в связи с тем, что во вторую позицию попадают не энклитики, а полнозначные слова и конструкции, которые при другой структуре, признаваемой нами за нейтральную, играют роль полноценных тем: *Муж ↑ приходит домой ↓*; *Дед ↑ посадил репку ↓*; *Курочка ↑ снесла яичко ↓*; *Раз Герасим Николаевич ↑ приходит к Августе Авдеевне в кабинет ↓*. Под действие закона Ваккернагеля в ортодоксальном смысле попадают слова, "словесно безударные", т.е. не образующие фонетического слова, или, иначе, не несущие словесного ударения. В рассматриваемых же предложениях с рецессией фрагменты предложений "безударны" с точки зрения коммуникативно релевантных ударений (на них нет ИК-1, ИК-3, ИК-6), а словесное ударение в них есть. Остальные требования закона Ваккернагеля здесь выполняются: позиция, которую занимает ретировавшаяся с передней линии тема, – это всегда вторая позиция после первого полнозначного слова, в данном случае – после глагола.

Еще одним важным источником ваккернагелевских тем служит коммуникативная структура с глаголом-темой и актантом или обстоятельством-ремой. Другие – активированные – актанты глагола могут в таком случае оказаться в ваккернагелевской позиции после глагола. Так, в примере *«Служил ↑ на Кавказе один барин ↓»* *Звали ↑ его Жилин ↓* (Л. Толстой) во втором предложении глагол – это тема, потому что сообщение о том, как звали барина, предвосхищено введением героя в рассмотрение в первом предложении. Тогда словоформа *Жилин* – актант глагола *звали* – служит в этом предложении ремой, а другой актант – *его* – это ваккернагелевская тема. Сравним другую пару предложений *«Пришло ↑ ему раз письмо из дома ↓»* *Пишет ↑ ему старуха мать ↓* (Л. Толстой). В последней паре примеров ситуация получения Жилиным письма из дома, зафиксированная в первом предложении, индуцирует

появление во втором предложении глагола *пишет*, который играет роль темы. Фрагмент *старуха мать* играет в этом предложении роль ремы, а местоимение *его* – это тоже ваккернагелевская тема.

1.14.1.2.1.3. Парентеза. Как соотносится понятие атонической темы с понятием парентезы? Парентеза – это один из компонентов семантико-синтаксической структуры предложения, который коммуникативно реализуется как атоническая тема. Синтаксически парентезы не связаны с остальным предложением и выражают оценки и метатекстовые связи пропозиции, которая остается за вычетом парентетического компонента. Семантическая связь парентетического выражения с основным высказыванием выражается в том, что основное высказывание заполняет пропозициональную семантическую валентность парентетического выражения. В семантической структуре предложения фрагмент, относимый к парентезе, играет роль вершинного предиката по отношению к основной пропозиции. Атоническая тема – это коммуникативная роль для более широкого круга явлений, чем парентеза. Парентеза – это элемент, находящийся за пределами синтаксической структуры предложения, а, скажем, остатки именных и глагольных групп, которые получаются в результате контраста, – это тоже атонические темы, но не парентезы, и они входят в синтаксическую структуру предложения. Парентезы и остатки контраста – это не единственные претенденты на заполнение атонических позиций.

Обсудив понятия, связанные с периферийными коммуникативными ролями, которые возникли в связи с описанием плана выражения контраста, но имеют более широкую применимость в теории коммуникативной структуры, продолжим обсуждение плана выражения других коммуникативных значений.

1.14.1.3. Акцентоносителем в верификативной составляющей служит глагол в личной форме: *Вася уже пришел* ♪. Если в предложении глагольная связка опущена, то в соответствующем верификативном предложении она восстанавливается, ср.: *Вася учитель – Вася и есть* ♪ *учитель*.

1.14.1.4. Правила акцентуации в коммуникативной составляющей, равной двум синтаксическим составляющим, не сводимым к одной. Рассмотрим примеры: *⟨Не курицу лис,⟩ Подстерег // монах девуку; Они сфотографировались // в Москве на Арбате; Он навевывается сюда // изредка в одну соседскую семью* (две косые черты отделяют тему от ремы). Здесь в реме вычленяются две синтаксические составляющие *монах и девуку; в Москве и на Арбате; изредка и в одну соседскую семью*, и в каждой из них выбирается акцентоноситель в соответствии с правилами выбора акцентоносителя в именных и глагольных группах. (Заметим, что в данном примере задача решается для ремы.) Далее, первая синтаксическая составляющая получает восходящий акцент типа ИК-6 (↗), а вторая маркируется рематическим падением тона: *Подстерег ↗ // монах ↘ девуку ♪; Они сфотографировались ↗ // в Москве ↘ на Арбате ♪; Он навевывается ↗ сюда // изредка ↘ в одну соседскую семью ♪.*

1.15. О границе между темой и ремой. Полученные правила выбора акцентоносителя в коммуникативных составляющих различной синтаксической природы приближают нас к разрешению "большой" проблемы теории коммуникативной структуры – проведению границ между темой и ремой. Нельзя, однако, не признать, что во многих случаях однозначное решение здесь невозможно по двум причинам: (1) из-за вариативного плана выражения не-конституирующих компонентов и (2) из-за широкой омонимии, возникающей при выборе акцентоносителя коммуникативной составляющей. Так, в коммуникативной составляющей *пишет стихи* акцентоноситель тот же, что и в составляющих *стихи* и *Вася пишет стихи*.

Выше, на примере лексико-синтаксической структуры *Короткие юбки снова вошли в моду* мы показали, что акцентоносители в коммуникативных составляющих разного объема могут быть различны. Приведем другой пример. Рассмотрим неразменное предложение с лексико-синтаксической структурой *Вступает в силу новый закон*.

Пусть в этом предложении *новый закон* – тема, а *вступает в силу* – рема. В соответствии с рассмотренными выше правилами в коммуникативной составляющей *вступает в силу* акцентоносителем будет словоформа *силу*. И все предложение, расчлененное на тему и рему, получит вид: *Новый закон вступает в силу* √. А при объеме составляющей, равной всему этому предложению, акцентоносителем станет слово *закон*, и коммуникативно нерасчлененное предложение будет, соответственно, иметь вид *Вступает в силу новый закон* √ или при другом порядке слов, но с сохранением акцентоносителя: {– *Что ты так радуешься?*} – *Новый закон* √ *в силу вступает*. Рассмотренные два коммуникативных членения – это не исчерпывающий список коммуникативных структур, возможных при данной лексико-синтаксической структуре. Задачу исследователя облегчает то, что все возможные здесь другие коммуникативные членения легко вычисляются по контексту. Так, еще одна не рассмотренная выше коммуникативная структура с акцентоносителем *закон* может быть получена в следующем контексте, имеющем, впрочем, искусственный характер: {– *Что там новенького вступает в силу?*} – *Вступает в силу новый закон* √. Здесь *вступает в силу новый* – это тема, а *закон* – рема.

Таким образом, дополнительным фактором, позволяющим сделать границу между темой и ремой более определенной, служит контекст, например, контекст повтора, который может навязывать фрагменту роль темы, а рема тогда легко вычленяется по остаточному принципу. Этот принцип используется при применении метода вопросов.

Еще одним фактором, служащим решению задачи отделить тему от ремы, служит инвентаризация особых коммуникативных стратегий, которой посвящен следующий раздел. Семантический эффект, производимый коммуникативной структурой в тексте, позволяет осуществить ее атрибуцию и идентифицировать ее коммуникативные составляющие.

Невзирая на все рассмотренные факторы, нельзя не признать, что омонимия в этой сфере языка распространена гораздо более широко, чем в других сферах. Рассмотренные средства выражения коммуникативной структуры иногда позволяют однозначно идентифицировать только выражаемый коммуникативными структурами тип речевого акта, когда мы знаем, где кончается рема, но не всегда точно знаем, где она началась. Случается, что это приводит лингвистов к сомнениям в подлинном существовании языковых единиц, называемых коммуникативными конститuentами высказывания. Выше мы надеялись показать, что темы и ремы существуют, несмотря на то, что граница между коммуникативными компонентами предложения остается зыбкой. Существование неразрешимых случаев омонимии – это известное свойство языка.

Основной результат первой части состоит в построении своего рода исчисления коммуникативных структур русского языка. Рассмотрен инвентарь элементарных коммуникативных значений, их сочетаемость и средства выражения коммуникативных значений и их комбинаций. Таким образом, показано, что коммуникативные значения образуют структуру, которая обнаруживается средствами "компонентного" анализа коммуникативных значений.

2. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКОЙ РЕЧИ

Во второй части статьи рассмотрены некоторые особые коммуникативные стратегии, выработанные русской речью для создания ярких коммуникативных эффектов, при которых достигается существенный вклад коммуникативной структуры в семантическую. Вариативность коммуникативных структур относительно лексико-синтаксической структуры может объясняться и контекстными факторами, из которых важнейший такой: то, что активировано, стремится быть темой, а то, что ново для слушающего, – это рема. Однако контекстные факторы при анализе особых коммуникативных стратегий не релевантны: они не образуют коммуникативных хитросплетений, с которыми связано существенное приращение смысла. Мы рассмотрим коммуни-

кативные стратегии, которые представляют собой резуль- тат специального комму- кативного замысла говорящего, когда за счет нестандартного расположения комму- кативных компонентов предложения относительно друг друга достигаются особые семантические эффекты. Эти стратегии сложились в русской речи, и говорящий при реализации своего намерения пользуется готовыми образцами. Так, когда мы говорим *Прихожу я вчера домой. <Виджу, что никого нет дома>*, мы пользуемся готовой мо- делью устной речи, специально предназначенной для живописания картин прошлого, которого мы были свидетелями, или будущего, которое открывается нашему мыслен- ному взору: *Поеду я завтра на дачу*. Эта модель широко представлена в сказках (*Посадила дед репку*), анекдотах (*Возвращается муж из командировки*), занимательных историях (*Поднимается он вновь по лестнице... И вдруг видит: сидит покойник Василий Леденцов на столе и сапог зашнуровывает* (М. Зощенко); *Служил на Кавказе офицером один барин... Пришло ему раз письмо из дома* (Л. Толстой)). Данная комму- никативная стратегия предназначена для воссоздания мысленного о б р а з а действительности. Говорящий делает вид, что прошлое или будущее у него как перед глаза- ми. А для репортажа о том, что у него действительно перед глазами, данная коммуни- кативная стратегия не годится: **Докладаваю: поднимается подозреваемый к себе в квартиру, включает свет, закрывает за собой дверь*; **Выходит на площадку за- пасной Пашутин* (ср.: *Выходит вчера на площадку запасной Пашутин, забивает трехочковый и быстро выводит команду из тупика*).

В работах И.И. Ковтуновой [Ковтунова 1976] введено и в работах Е.В. Падучевой [Падучева 1984; 1985] развито понятие к о м м у н и к а т и в н о й п а р а д и г- м ы – класса предложений с одинаковой лексико-синтаксической, но различной ли- нейно-акцентной структурой. В коммуникативной парадигме выделяется нейтральный член, у которого вклад коммуникативной структуры в семантическую минимален. Различия между членами коммуникативной парадигмы описываются в терминах ли- нейно-акцентных преобразований, которые происходят с нейтральными, или исход- ными, членами коммуникативной парадигмы. Линейно-акцентные преобразования ха- рактеризуются планом выражения и планом содержания. При линейно-акцентных пре- образованиях нейтральных структур возникают коммуникативные структуры, которые отражают воздействие контекста, или структуры с "богатым" планом содержания, выдающим особые коммуникативные стратегии говорящего, который имеет в виду нечто большее, чем просто отразить в словах некоторое положение дел для сведения слушающего.

Традиционно считается, что линейно-акцентные преобразования нейтральных структур могут также отражать действие контекста или присутствие модифицирую- щих коммуникативных значений, таких, как контраст или эмпфа. Линейно-акцентные преобразования, связанные с этими факторами, в данном разделе не рассматриваются.

2.1. Тематизация бытующего предмета используется в предложениях введения в рассмотрение нового объекта или бытования объекта в некоторой области бытия; при такой стратегии "меняются местами" область бытия (место) и бытующий предмет – бытующий предмет становится темой и помещается в препозицию, а место занимает рематическую позицию: *Шестая дивизия ↑ скопилась в соседнем лесу ↓* (И. Бабель). Нейтральная структура здесь была бы такая: *В соседнем лесу ↑ скопилась шестая дивизия ↓*. Как показала Н.Д. Арутюнова, нейтральные бытийные предложения стро- ятся по образцу "локализатор (или место) – бытийный глагол (или глагол, содержащий в своем значении бытийный компонент) – бытующий предмет": *В этом краю ↑ есть леса ↓* [Арутюнова, Ширяев 1983: 53–55]. Локализатор *в этом краю* здесь тема, а гла- гол в сочетании с именем бытующего предмета – рема, бытующий предмет *леса* – соб- ственно рема, т.е. ударное слово ремы. Термин "тематизация бытующего предмета" используется для того, чтобы показать производность данной коммуникативной струк- туры, потому что бытующему предмету в норме положено быть ремой. Между тем в

предложениях с тематизацией он занимает ненавязчивую позицию темы, т.е. вводится как уже освоенный и знакомый. Предложения с тематизацией бытующего предмета уподобляются нейтральному типу предложений характеристики (по Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, Ширяев 1983: 10]); таких, как *Вася пошел в школу*, так как рематический акцент получает компонент предложения, имеющий характеризующее значение.

Предложения с тематизацией бытующего предмета широко употребляются в описательных художественных текстах, где для каждого предмета, который представляет собой элемент общей картины, принята следующая схема представления: предмет – его локализация. Такая диспозиция противоположна нейтральной: локализация – бытующий предмет. Так, фрагмент из произведения Бабеля ... *беспечная серьга* ↑ *колыхалась в ухе Суровцева* ↓, *круглые башни* ↑ *вырастали из рва, заросшего желтой скатертью цветов* ↓ ... *голубая ступень* ↑, *остаток лестницы*, по которой поднимались когда-то польские короли, *блестела в кустарнике* ↓ при нейтральной расстановке коммуникативных сил имел бы следующий вид: *В ухе Суровцева* ↑ *колыхалась беспечная серьга* ↓. *Из рва* ↑, *заросшего желтой скатертью цветов*, *вырастали круглые башни* ↓. *В кустарнике* ↑ *блестела голубая ступень* ↓.

2.2. Суперпозиция ремы. При суперпозиции ремы рематизируются локализатор и бытующий предмет одновременно: *Новые волнения* ↓ *вспыхнули в этом году на улицах Бруклина* ↓. Соответствующее нейтральное предложение: *На улицах Бруклина* ↑ *в этом году вспыхнули новые волнения* ↓. Суперпозиция ремы возможна не только в бытийных предложениях, но и в предложениях характеристики: *Проржавевшую авиационную бомбу* ↓ *подняли со дна моря тралом рыбаки Тихоокеанского флота* ↓. Нейтральная коммуникативная структура здесь была бы такая: *Рыбаки Тихоокеанского флота* ↑ *подняли со дна моря тралом проржавевшую авиационную бомбу* ↓. Суперпозиция ремы служит для сгущенной подачи смысла, достигаемой за счет присутствия в предложении сразу двух сообщений и, соответственно, двух рем. При такой изысканной стратегии достигается особая коммуникативная напряженность, которая широко используется в художественных и публицистических текстах. Это сугубо литературная стратегия письменного текста, специально предназначенного для чтения вслух. Предложениями с суперпозицией ремы не говорят, а пишут, чтобы потом прочесть. В разговорной речи предложения с заключенными в них двумя сообщениями были бы разбиты на два: *Со дна моря поднята проржавевшая авиационная бомба. Ее выловили вчера рыбаки Тихоокеанского флота*. В предложениях с суперпозицией ремы особая дозировка информации, и присущая им двойственность не имплицитная, а вполне весомая, потому что от каждого сообщения в предложении остается по реме. Характерно, что каждая из рем связана с определенным аспектом семантической структуры такого сложного в семантическом и коммуникативном отношении образования: начальная рема вводит в рассмотрение новый объект (или событие), а конечная – дает ему дальнейшую характеристику, поэтому суперпозиция ремы возможна как в бытийных предложениях, так и в предложениях характеристики.

Таким образом, коммуникативная идея, присущая предложениям с суперпозицией ремы, или, иначе говоря, заключенная в них коммуникативная стратегия, состоит в двойной концентрации смысла на один речевой акт. Дальняя цель такой коммуникативной стратегии – произвести особое впечатление на сознание адресата. Она очень характерна для рассказов Бабеля, а также для прозы Пушкина и Паустовского. В устном исполнении специфический интонационный контур предложений с суперпозицией ремы, когда на первую именную группу предложения, обозначающую основной предмет сообщения, падает рематический акцент, можно часто наблюдать в речи дикторов радио и телевидения при сообщении новостей: более подробно о суперпозиции ремы см. [Янко 1994].

2.3. Рецессия темы и ее частный случай дислокации сложной ремы служат для того, чтобы убрать участников ситуации с начальной заглавной позиции и привлечь внимание адресата к ситуации в целом; о дислокации см. [Ковтунова 1976: 121]. При рецессии темы используется порядок слов с препозицией глагола. Это коммуникативная стратегия бытует в повествовательных текстах и в разговорной речи для передачи картин, которые разворачиваются перед мысленным взором говорящего: *Посадил* Γ *дед репку* $\backslash$; *Выходит* Γ *Анка замуж* $\backslash$; *Служил* Γ *на Кавказе офицером один барин* $\backslash$; *Сидит* Γ *чукча на барже* $\backslash$; *Напеку* Γ *я завтра с утра блинов* $\backslash$. В таких предложениях имена известных героев, которым было бы естественно служить полноценной темой – дед, Кавказ, чукча, говорящий – убраны на задний план – в заударную позицию между частями сложной (дислоцированной) ремы (*Выходит Анка замуж*) или в абсолютный безударный конец после глагола-ремы (*Приходит больной к врачу*). *Осмотрел* $\backslash$ **врач** *больного*), в двух последних примерах рецессивные темы выделены жирным шрифтом. Предложения с препозицией глагола и рецессивной темой отличаются от предложений с препозицией глагола, где глагол – это тема: *Завтра я уезжаю.* *Проводит* $\uparrow$ *меня Вася* $\backslash$.

В [Падучева 1985: 120] структура, подобная той, которую мы вычленим в последнем примере, рассматривается как контрастная дислокация сложной ремы, ср.: *Живут* $\uparrow$ *строители по всей трассе канала* $\backslash$; *Выглядит* $\uparrow$ *она превосходно* $\backslash$. Представляется, однако, что в последних примерах начальный глагол – это не фрагмент дислоцированной ремы, а тема. Предложения с глаголом-темой возникают в тех случаях, когда ситуация обозначенная глаголом, активируется в предтексте. Так, во втором предложении из фрагмента текста *Вчера я встретил Машу. Выглядит* $\uparrow$ *она превосходно* $\backslash$ глагол – тема, обстоятельство – рема, а актант глагола *она* – ваккернагелевская тема. Аналогично, в примере *Служил* Γ *на Кавказе один барин* $\backslash$. *Звали* $\uparrow$ *его Жилин* $\backslash$ (Л. Толстой) в первом предложении глагол – это фрагмент дислоцированной ремы *служил барин*, а во втором – глагол – это тема, потому что то, как звали барина, активировано в первом предложении введением героя в рассмотрение. Таким образом, в предложениях *Служил* Γ *на Кавказе один барин* $\backslash$ и *Звали* $\uparrow$ *его Жилин* $\backslash$ разные коммуникативные структуры. В первом предложении – дислокация сложной ремы, а во втором – коммуникативная структура с глаголом-темой. И средства выражения этих коммуникативных структур различны: в первом предложении на глаголе фиксируется акцент ИК-6, и ИК-3 там не может быть, а во втором – глагол служит носителем "тематического" акцента ИК-3 или его варианта в данной позиции – ИК-6. Коммуникативная структура с глаголом-темой в большей степени отражает воздействие контекста, чем служит результатом специальной коммуникативной стратегии говорящего. Она навязана говорящему предшествующим контекстом и тем самым ограничивает его выбор. Между тем при использовании специальных коммуникативных стратегий у говорящего есть выбор по крайней мере из двух возможностей: выбрать специальную коммуникативную стратегию или нейтральную, соответствующую ей⁹.

В предложениях с рецессивной темой отход активированных (данных или квазиданных) именных групп с начальной тематической позиции в ваккернагелевский тыл сигнализирует о том, что внимание адресата должно быть сосредоточено на событии в целом. Ни одна из именных групп при этом не рассматривается как полноценная тема и не служит, соответственно, точкой отсчета для рассмотрения события.

⁹ Ю.С. Степанов обращает внимание на весьма ограниченную применимость предложений с начальным глаголом, высказывая несогласие с мнением Э. Бернекера [Bemeker 1900], который считал, что "в русском языке порядок слов VSO (*Посеял мужик репу*) равноправен с порядком SVO и чуть ли не преобладает над ним" [Степанов 1989: 227].

Сравним употребление частицы *же* с темой *Анка* в предложении *Выходит Анка замуж*. Частица *же* берется как образец частицы, частично сохранившей в современном русском языке верность закону Ваккернагеля: *(Он называл студентов по имени отчеству.) По имени же отчеству называют людей заслуженных*. Здесь частица *же* разделяет казалось бы неделимую именную группу *имени отчеству*. Аналогично, словоформа *Анка* разделяет глагольную группу *выходит замуж*. Таким образом, мы рассматриваем предложения с рецессивной темой как подчиняющуюся закону Ваккернагеля в его расширенном понимании. При этом рецессивные темы могут рассматриваться как относящиеся ко всему оставшемуся высказыванию, т.е. к реме. Значит, у них есть общие черты с фразовыми частицами, которые тоже относятся ко всему высказыванию в целом за вычетом их самих. Рецессия тем в ваккернагелевскую позицию на "задворки" коммуникативной структуры ведет к снижению их коммуникативного ранга. Расширенное понимание закона Ваккернагеля здесь состоит в том, что рассматриваемое явление охватывает не класс "маленьких" слов или словоформ, таких, как *же*, которым в словаре предписано занимать ваккернагелевскую позицию, а целую коммуникативную категорию рецессивных тем, которые уподобляются энклитикам. Так, в предложении *Служил ⌈ на Кавказе один барин ⌋ ваккернагелевская тема на Кавказе уподобляется энклитике и соответствующим образом произносится, ср.: Служил ⌈ там один барин ⌋*.

При такой коммуникативной стратегии достигается известный эффект эвиденциальности – впечатление развертывания картины перед глазами наблюдателя. Коммуникативная стратегия с рецессивной темой специально используется в нарративных текстах: сказках, занимательных историях, анекдотах. Русские анекдоты практически всегда начинаются предложением с рецессивной темой. Это значит, что герой у анекдота есть – это Василий Иванович, Петька, Анка, чукча, Вовочка, муж, возвращающийся из командировки¹⁰. Он понимается как старый знакомец, но подспудно ощущается, что речь пойдет не столько о нем, сколько о той ситуации, в которой он оказался.

Расщепление синтаксически сложной ремы мы вслед за И.И. Ковтуновой называем дислокацией сложной ремы [Ковтунова 1976: 122]. В предложении из анекдота *Выходит Анка замуж рема выходит замуж*, расщепляется на две части, а тема попадает в безударную позицию между частями сложной ремы. Дислокация сложной ремы – это не единственный способ подавить тему. Если в предложении с препозицией глагола референты обоих актантов глагола активированные, то глагол – это рема, а оба актанта, расположенные за глаголом, – это рецессивная тема: *(Пришел больной к врачу.) Осмотрел ⌋ врач больного*. Здесь *осмотрел* – это рема, а *врач больного* – рецессивная тема. Нейтральная линейно-акцентная структура здесь была бы такая: *(Пришел больной к врачу.) Врач ⌈ осмотрел ⌋ больного*. В последнем предложении именная группа *врач* – это тема, глагол *осмотрел* – рема, а именная группа *больного* – атоническая тема. При рецессии темы *врач* и *больного* сливаются в одну ваккернагелевскую тему *врач больного*.

Предложения с рецессией темы могут вводить в рассмотрение новый предмет: *Приходит к врачу больной; Посадил дед репку; Снесла курочка яичко*. Здесь вводимые в рассмотрение предметы – это *больной, репка и яичко*. При этом в них сохраняется эффект эвиденциальности. В этом нет никакого парадокса, потому что эвиденциальность и введение в рассмотрение или сообщение о появлении на сцене прекрасно сосуществуют. На эффект введения в рассмотрение "работает" рематичность одного из актантов и семантика глагола, который содержит сему бытования, каузации

¹⁰ Герои сказок и анекдотов – Штирлиц, Вовочка, чукча, дед и баба, старик со старухой – кочуют из текста в текст, известные всем носителям русского языка. Во всяком случае, традиция рассказывания сказок и анекдотов предполагает их известными, и коммуникативные стратегии учитывают этот фактор.

бытования или появления на сцене, а на эвиденциальность – то, что ни один из актантов не служит полномерной темой, а только рецессивной.

Если эвиденциальность и введение в рассмотрение прекрасно сочетаются друг с другом, то существуют значения, которые с эвиденциальностью несовместимы. Так, не всякий глагол может реализовать эту коммуникативную стратегию. В контексте рецессии темы невозможны, например, глаголы со значением постоянных свойств. Так, предложение *Тонет в воде железо* приобретает нестандартное для себя значение наблюдаемого процесса погружения куска железа на дно бассейна; в норме же предложение с данной лексико-синтаксической структурой имеет линейно-акцентную структуру *Железо тонет в воде* и представляет собой предложение о свойствах железа [Булыгина, Шмелев 1997: 82].

Таким образом, рецессия темы должна находиться в гармонии с другими элементами смысла предложения и структуры текста. Во-первых, значение эвиденциальности, которое ей присуще, должно сочетаться с таксономической категорией предиката. Во-вторых, с рецессией не совместимо настоящее время в конкретно-процессном значении, поскольку она нацелена на создание образа действительности и используется в рассказе о том, что было, или в мечтах о том, что будет. Поэтому глагольное время в таких предложениях либо прошедшее, либо будущее, а настоящее, которое в них может быть, понимается как *praesens scaenicum* или как *praesens historicum*: *Возвращается Петька из разведки*.

2.4. Неингерентная тема служит для логической связи предложений в тексте и передачи иллокутивных значений, таких, как "объясняю", "делаю вывод", "предупреждаю", "советую": *Вам врача \ надо вызвать*; *{А это что? – Чайка.} Константин Гаврилыч \ убил* (А. Чехов); *{Худо, брат, жить в Париже:} есть \ нечего* (А. Пушкин); *{Тише} Бабушка \ спит*. Все предложение служит тогда единой ремой по отношению к отсутствующей в его составе теме. В связи с этим термин "предложения с неингерентной темой", предложенный И.М. Кобозевой и А.Н. Барановым [Баранов, Кобозева 1983], представляется очень удачным. Рема в этом случае – это больше, чем просто рема, ибо она служит наследницей тех семантических и логических отношений – причинно-следственных, изъяснительных, определительных и других, – которые существуют между предложением и предшествующим контекстом. Коммуникативная структура с неингерентной темой используется для поддержания логической связности текста. Она бытует в устной речи, когда нужно дать обоснование положению дел, представленному в предшествующем контексте, или указать на то, что предложение имеет ценность не само по себе, а подчинено некоему вышестоящему предикату пропозициональной установки. При этом, сам предикат пропозициональной установки – *объясняю, напоминаю, советую* – может быть эксплицитно не выражен. Только коммуникативная структура, наследуя коммуникативные особенности полной структуры, выражает отношение текущего сообщения к предтексту. Таким образом, коммуникативная структура таких предложений имплицитно выражает одно из перформативных значений. Для таких предложений характерна вторичная коммуникативная слитность, которая иконически поддерживается просодической нерасчлененностью. Предложения с неингерентной темой обычно короткие и произносятся, как слово, без пауз на одном дыхании.

Все активированные компоненты, которые в таких предложениях могут быть, тоже подавлены, как и в предложениях с рецессивной темой, акцент на них невозможен и они произносятся в аллегровом темпе: *{– Почему вы не сажаете леса из секвой?} – А секвойя вырождается * (ср.: *{– Чем вы так расстроены?} – Секвойя \ вырождается*). Представляется, что рецессивная тема в предложениях с рецессией более весома в своей роли темы, чем предупомянутые фрагменты в предложении, у которого все средства брошены на то, чтобы сделать его цельной ремой по отношению к отсутствующей в его составе другой теме.

Были выявлены законы выбора акцентоносителя в предложениях с неингерентной темой. Эти законы под именем правил выбора акцентоносителя в некусусной составляющей мы привели в разделе 1.14.1.1 при обсуждении правил выбора акцентоносителя в коммуникативных составляющих различной синтаксической структуры. Тем самым было решено несколько задач, имеющих отношение не только к предложениям с неингерентной темой, но содержащих важные следствия для теории коммуникативной структуры. Оказалось, что акцентоносители в предложениях с неингерентной темой совпадают с акцентоносителями в контекстно независимых коммуникативно нерасчлененных предложениях и в большинстве типов придаточных предложений – придаточных изъяснительных, определительных, причинных. Таким образом, было показано, как формируется коммуникативно охарактеризованная составляющая, когда она представляет собой не именную и не глагольную группу, а целое предложение. Акцент в предложениях с неингерентной темой не направлен на выделение ударного слова, а имеет лишь ф о р м и р у ю щ у ю функцию, подобную той роли, которую играет в слове словесное ударение. Правила выбора акцентоносителя в предложениях с неингерентной темой позволяют верифицировать известные правила системного упорядочения русского языка, потому что ранжирование глагольных актантов и ранжирование групп в соответствии с их готовностью принять на себя роль акцентоносителя в предложениях с неингерентной темой совпадают.

Коммуникативные стратегии, связанные с отсутствием темы, – неингерентная и рецессивная тема – приводят нас к идее коммуникативной нерасчлененности. Между тем, в противоречие с коммуникативной нерасчлененностью вступают процессы активации. То, что активировано в предтексте, "торчит" из нерасчлененных предложений. Хорошо для исследователя, когда темы нет и не может быть, как в предложении *Стоял мороз*. Предложения с неингерентной темой, вынесенной в предтекст, тоже мощными линейно-просодическими средствами справляются с задачей нивелировать предупомянутые элементы. Кроме того, в предложениях с неингерентной темой есть "вышестоящая" (неингерентная) тема, которой они семантически подчинены. А в предложениях с рецессией процесс подавления темы не доходит до конца. Их сверхзадача – привлечь внимание к событию в целом. В этом случае достаточно просто убрать тему с заглавной позиции в позицию Ваккернагеля – после ремы или между частями расщепленной синтаксически сложной ремы. Это наводит на мысль о том, что коммуникативная нерасчлененность – шкалярное понятие¹¹, потому что в предложениях, которые разделяют свойства нерасчлененных, например отсутствие препозитивной темы, находятся активированные компоненты, идущие вразрез с нерасчлененной трактовкой.

В разделе 2 проанализированы особые коммуникативные структуры, выработанные русской речью и имеющие более нейтральные, чем они сами, но и менее яркие варианты. Тем самым обоснована необходимость введения понятия коммуникативной стратегии, которое особенно рельефно вырисовывается в коммуникативных структурах с богатой коммуникативной семантикой. В предложениях с суперпозицией ремы заключено одновременно два сообщения, что производит особое впечатление на аудиторию. Это коммуникативная структура письменного текста, который предназначен для устного исполнения. Не держа перед собой листа бумаги с написанным текстом, нельзя произнести предложения с суперпозицией ремы: коммуникативная структура выдает вторичный речевой акт. В предложениях с рецессией темы налицо выражаемое коммуникативной структурой значение эвиденциальности. Эвиденциальность достигается за счет отсутствия в предложениях полновесной темы. Это значит, что ни один из героев не служит полноценной коммуникативной точкой отсчета при совершении речевого акта. Когда начало предложения оголено, адресат окунается непосредственно в гущу событий и на первый план выступает внимание к событию в

¹¹ Т.М. Николаева отмечает, что "нерасчлененные высказывания могут отражать событие разной степени целостности" [Николаева 1982: 96].

целом. Если в предложении с препозицией глагола и уделяется внимание конкретному герою, то только как герою, появляющемуся на сцене, и его имя тогда не тема, а собственно рема: *Приходит к врачу больной* \. Несмотря на эффект эвиденциальности, в жанре репортажа рецессия темы невозможна. Никакого парадокса тут нет, потому что эта коммуникативная структура нацелена на создание образа действительности. А когда мы говорим *Там завтра \ на столе*, то нет образа, а есть сама жизнь. Но за это отвечает уже коммуникативная структура с неингерентной темой, потому что она замещает отсутствующий в составе предложения вершинный предикат речевого действия. Коммуникативная структура с неингерентной темой бытует в разговорной речи, а в художественном тексте она используется для имитации живого диалога.

Итак, основной итог второго раздела – это инвентаризация, естественно, неполная, особых коммуникативных стратегий, сложившихся в русской речи. Особые коммуникативные стратегии демонстрируют возможности коммуникативных структур при передаче смысла. Анализ таких стратегий представляет и самостоятельный интерес, так как дает возможность более глубокого проникновения в замысел говорящего, в частности, в замысел писателя.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье предложен понятийный аппарат и соответствующий метаязык для описания коммуникативных структур языка. Коммуникативная структура рассматривается прежде всего как выразитель значения речевого акта. Выделено три типа коммуникативных значений: коммуникативные значения, конституирующие речевые акты, неконституирующие коммуникативные значения, противопоставленные конституирующим, и модифицирующие коммуникативные значения. Коммуникативные значения первых двух типов совместимы со значениями третьего типа в пределах единого фрагмента предложения. Рассмотрены средства выражения коммуникативных значений и их комбинаций в русском литературном языке. Основное средство выражения конститuentов речевых актов – линейно-акцентная структура, модифицирующих значений – интенсивность фразовых акцентов, а объема (сферы действия) коммуникативных значений – принцип выбора акцентоносителя. Рассмотрены и лексические средства выражения коммуникативных значений. Предложено трактовать слова типа *только* как слова контраста и отличать их от слов типа *редко*, которые интерпретируются как слова ремы. Введено понятие коммуникативной стратегии, которое проиллюстрировано коллекцией особых коммуникативных стратегий, конвенционализированных русским узусом. Разработаны принципы описания коммуникативных структур с "богатой" коммуникативной семантикой. Предложено расширенное понимание закона Ваккернагеля, и рассмотрена коммуникативная структура, бытующая в русской устной речи и следующая закону Ваккернагеля в его расширенной интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1988 – Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. 1983 – Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Балли Ш. 1955 – Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Барinov А.Н., Кобозева И.М. 1983 – Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // ИАН СЛЯ. 1983. № 7.
- Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. 1987 – Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Бергельсон М.Б. 1998 – Речевые стратегии и формирование пропозициональной структуры в диалоге // Труды Международного семинара "Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям". Т. 1. Казань, 1998.
- Богуславский И.М. 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

- Богуславский И.М. 1998 – Сфера действия начальности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. 1998.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997 – Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Зализняк А.А. 1993 – Место энклитик в предложении и их порядок // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993.
- Кибрик А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Ковтунова И.И. 1976 – Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов С.В. 1993 – Интонация предложений с дискурсивными словами. Группы: едва, действительно, вообще, совсем, прямо // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Кодзасов С.В. 1996 – Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Красухин К.Г. 1997 – Закон Вакернагеля и структура индоевропейского предложения // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1997. № 72.
- Мартиньянов Ю.С. 1970 – К описанию текста: язык валентно-эмфазно-юнктивных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13.
- Мартиньянов Ю.С. 1971 – К описанию текста: язык валентно-эмфазно-юнктивных отношений (продолжение) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1971. Вып. 14.
- Матезиус В. 1967 – О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Матусевич М.И. 1976 – Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл $\leftrightarrow$ Текст". М., 1974.
- Мельчук И.А. 1995 – Русский язык в модели "Смысл $\leftrightarrow$ Текст" // Wiener Slavistischer Almanach. 1995.
- Николаева Т.М. 1981 – Категориально-грамматическая цельность высказывания и его прагматический аспект // ИАН СЛЯ. 1981. № 1.
- Николаева Т.М. 1982 – Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- РГ 1982 – Русская грамматика 1982. Т. 1. М., 1982.
- Николаева Т.М. 1985 – Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Николаева Т.М. 1996 – Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
- Падучева Е.В. 1984 – Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // НТИ. Сер. 2. 1984. № 10.
- Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Падучева Е.В. 1989 – К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
- Сгалл П., Хаичова Е. 1980 – Актуальное членение предложения и метод вопросов // Slovník práce filozofické fakulty Brněnské univerzity T. A28. 1980.
- Степанов Ю.С. 1989 – Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Янко Т.Е. 1991 – Коммуникативная структура с неингерентной темой // НТИ. Сер. 2. 1991. № 7.
- Янко Т.Е. 1994 – Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений // ВЯ. 1994. № 6.
- Backhouse A.E. 1993 – The Japanese language: An introduction [Oxford]. 1993.
- Berneker E. 1900 – Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900.
- Bolinger D. 1958 – A theory of pitch accent in English // Word. V. 14. 1958.
- Bolinger D. 1985 – Two views of accent // Journal of linguistics. V. 21. 1985.
- Bonnot Ch., Fougeron I. 1982 – L'accent de phrase non-final en russe. Est-il toujours un signe d'expressivité ou de familiarité? // BSLP. T. LXXVII. 1982.
- Bonnot Ch., Fougeron I. 1983 – Accent de phrase non-final et relations interenonciatives en russe moderne // RESL. T. 55. Paris, 1983.
- Chafe W. 1988 – Linking intonation units in spoken English // J. Haiman, S. Thompson (eds.) Clause combining in grammar and discourse. Typological studies in languages. V. 18. Amsterdam, 1988.
- Daneš F. 1970 – One instance of Prague school methodology: Functional analysis of utterance and text // Method and theory of linguistics. The Hague, 1970.
- Daneš F. 1986 – The "question test" re-examined // Language and discourse: Test and protest. Linguistic and Literary studies in Western Europe. V. 19. Amsterdam/Philadelphia, 1986.
- Delbrück B. [& Windisch E.] 1878 – Syntaktische Forschungen. Bd. III. Halle / Saale. 1878.
- Dik S. 1989 – The theory of functional grammar. Part I: The structure of the clause. Dordrecht, 1989.
- Dryer M.S. 1996 – Focus, pragmatic presupposition, and activated propositions // Journal of pragmatics. V. 26. 1996.
- Fírbas J. 1956 – Poznámky k problematice anglického slovního pořádku z hlediska členění větného // Sborník práce filozofické fakulty brněnské university. T. A4. 1956.

- Firbas J. 1961 – On the communicative value of the modern English finite verb // *Brno studies in English*. 1961. V. 3.
- Erteschik-Shir N. (в печати). – The dynamics of focus structure. Cambridge university press. (в печати).
- Jacobs J. 1983 – Fokus und Skalen. Zur Syntax und Semantik der Gradpartikeln im Deutschen, Tübingen, 1983.
- Jacobs J. 1988 – Fokus-Hintergrund-Gliederung und Grammatik // H. Altmann (ed.), *Intonationsforschungen*. Tübingen, 1988.
- Hajičová E. 1986 – A note on the order of constituents in relation to the principle of GB theory // *Language and discourse: Test and protest. Linguistic & Literary studies in Western Europe*. V. 19. Amsterdam/Philadelphia, 1986.
- Hajičová E. 1994 – Topic/focus and related research // *Prague school of structural and functional linguistics*. Amsterdam/Philadelphia, 1994.
- Hajičová E., Sgall P. 1996 – Focus, topic, and scope // B. Partee, J. Peregrin (Eds.). *Discourse kinematics, topic-focus structure, and logics. Proceedings of the 8th European school in logic, language and information*. Prague, 1996.
- Hajičová E., Sgall P., Benešová E. 1973 – Topic, focus, and generative semantics. Kronberg Taunus, 1973.
- Halliday M.A.K. 1966 – Intonation system in English // *Patterns of language*. London, 1966.
- Halliday M.A.K. 1967 – Notes on transitivity and theme in English // *Journal of linguistics*, 1967. V. 3.
- Hatcher A.G. 1956 – Syntax and the sentence // *Word*. 1956. № 12.
- Huszcza R. 1988 – Thematic-rhematic structure of questions in typologically distant languages. Polish and Vietnamese sentence questions // *Problemy językoznawstwa konfrontatywnego. Polono-slavica varsoviensia*. Warszawa, 1988.
- König E. 1991 – The meaning of focus particles. A comparative perspective. London; New York, 1991.
- Kuno S. 1982 – The focus of the question and the focus of the answer // *Papers from the parasession on nondeclarativeness sentences from the regional meeting of the Chicago linguistics society*. 1982.
- Kuroda S.-Y. 1972 – The categorical and thetic judgement: Evidence from Japanese // *Foundations of language*. 1972. № 9.
- Lambrecht K. 1994 – Information structure and sentence form. Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Lehman W.R. 1974 – Proto-indo-european syntax. Austin; London, 1974.
- Maslova E. 1995 – VS/SV opposition in Russian and the thetic/categorical distinction // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Bd. 48. № 1/2. 1995.
- Mathesius V. 1947 – O tak zvaném aktuálním členění větěném // *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947.
- Mehlig H.R. 1991 – Экзистенциальные и экспликативные вопросы // *Rling*. 1991. № 15.
- Partee B. 1994 – Focus, quantification, and semantics-pragmatics issues, preliminary version // *Focus and natural language processing*. V. 2: Semantics. Heidelberg. 1994.
- Pierrehumbert J. 1980 – The phonology and phonetics of English intonation. MIT. 1980.
- Reinhart T. 1981 – Pragmatics and linguistics: an analysis of sentence topics // *Philosophica*. 1981. № 27.
- Rochemont M.S. 1986 – Focus in generative grammar. Amsterdam, 1986.
- Rooth M.E. 1985 – Association with focus. Amherst, 1985.
- Sasse H.-J. 1987. – The thetic/categorical distinction revisited // *Linguistics*. V. 25. № 3. 1987.
- Sasse H.-J. 1995 – 'Theticity' and VS order: a case study // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Bd. 48. N 1 / N 2, 1995.
- Schmerling S.F. 1974 – A Re-examination of "Normal stress" // *Language*. 1974. V. 50. № 1.
- Steedman M. 1991. – Structure and intonation // *Language*. V. 67. 1991.
- Selkirk E.O. 1984. – Phonology and syntax: The relation between sound and structure. Cambridge, 1984.
- Vallđuví E., Engdahl E. 1996 – The linguistic realization of information packaging // *Linguistics*. V. 34. № 3. 1996.
- Van Valin R. 1993 – A synopsis of role and reference grammar // *Advances in role and reference grammar*. Amsterdam, 1993.
- Wackernagel J. 1892 – Über ein Gesetz der indogermanischer Wortstellung // *IF*. 1892.
- Watkins C. 1964 – Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure // *Proceedings of the 9-th International congress of linguists*. Hague, 1964.
- Yokoyama O.T. 1986 – Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia, 1986.